

Содержание

Вступление	5
------------------	---

I

Глава 1	15
---------------	----

Глава 2	44
---------------	----

Глава 3	71
---------------	----

Глава 4	91
---------------	----

Глава 5	106
---------------	-----

Глава 6	125
---------------	-----

Глава 7	145
---------------	-----

II

Глава 8	162
---------------	-----

Глава 9	187
---------------	-----

Глава 10	211
----------------	-----

ЖИВЕТЬЕВА ИННА

Глава 11	228
Глава 12	251
Глава 13	268
Глава 14	295

III

Глава 15	323
Глава 16	343
Глава 17	359
Глава 18	386
Глава 19	412
Глава 20	429
Глава 21	449

Вступление

За лесом прогудела электричка, последняя, на двадцать три сорок.

По углям промелькнули красные язычки, и Фаддейка, озабоченно хмуря брови, откатил подальше крупную головню. Потыкал в костер палкой.

— Рано еще, — остановил его отец.

Фаддейка все-таки покрутил носом, прежде чем убрать палку.

Откашлялся дед, недовольный, что перебили.

— Ну вот, стали замечать, что одна сестра желтеет и тощает, а другая будто кровью с молоком наливается. Главное, как полнолуние пройдет, еще краше становится.

— Оборотень, — припечатал Фаддейка.

— Не, ведьма, — протянул Семен с другой стороны костра.

Вейка, пожившись, оглянулся через плечо. Черная степь упиралась в густой частокол леса, и над деревьями висела луна, надутая и крутобокая. Стреноженные лошади бродили в высокой траве, то исчезая в тени, то появляясь. Махнула беззвучно птица в густо-синем небе, и кто-то позвал ее из рощицы: «Уху, уху». Противным таким голосом.

Фаддейка толкнул в бок:

— Дрейфишь?

— Вот еще! — фыркнул Вейка, не желая признавать, что заохлодело под ложечкой. Ведь это про здешние места дед Назар рассказывал, как все на самом деле было.

— Младшая, даром что тощая, зато характером золотая. Ну и запал на нее Арсений, на старшую-раскрасавицу даже не глянул. Повел невесту по знахаркам. Те воск лили, в темечко дули, да все без толку. Родители Арсения, ясно, отговаривали: детей не родит и работница плохая — по жаре задыхается, по морозу простужается. Неизвестно, сладилось бы у них или нет, но кто-то надоумил: старшую извести надо. Она, ведьма, из сестры жизнь тянет.

— Правильно, — солидно подтвердил Семка. — Вон в позапрошлом годе, помните...

Дед кхекнул, пошевелил седыми бровями, и парень заткнулся.

— Арсений грех на душу взять побоялся: ведьма или нет, клейма на ней не стоит, да и невеста как бы потом на него смотрела? На убийцу родной сестры-то? Вот и задумал он отыскать Псов.

— Зачем? — удивился Семка. — Если в силу вошла, все уже, поздно.

— Так Псов же, бестолочь, не л-рея. Чтобы они подтвердили. Тогда ведьму деревенский сход порешит, как положено.

Вейка снова оглянулся. Каурый жеребец вышел из тени и тряхнул головой. Почудилось на миг — сидит у него на спине кто-то в черном. Даже морозом продрало.

— Во дурак! — шепнул Фаддейка. — С Псами говорить, а?

— Уехал Арсений. А в поселке все хуже: то скотина падет, то птица со дворов пропадать начнет, то собаки взбесятся. По весне же здесь, у реки, — дед Назар ткнул корявым пальцем на другой берег, — как оттаяло, нашли мертвяков. Двое парней, из пришлых. У одного горло порвато, а другой вовсе без головы. Отгрызена.

— Ну уж, сразу отгрызена! — усомнился Семка. — Разбойники постарались. Лихие тут места были.

Дед Назар усмехнулся.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ПОЛНОЛУНИЕ

— А ты сплавай на ту сторону, как раз ночка подходящая, лунная. Постою на бережку возле ивняка. Только штаны не замарай. Подойдет к тебе навь, холодом повеет, тленом запахнет. Подойдет и начнет твою голову щупать, проверять, его аль чужая.

Вейка поглубже втянулся в штормовку — прикосновение ветра к затылку показалось ледяным, точно потрогал кто мертвыми пальцами.

— Вон у бабки Егорьи сводная сестра была. С женатым закрутила, а по сеновалам прятаться боялась, выследят. Ну, и придумала на том бережку встретиться, мол, никто не помешает. — Дед запыхал в усы, так он смеялся. — К следующему вечеру нашли ее. В лесу под кустом сидела. На всю жизнь дурочкой осталась. Ну как, поплывешь?

Семен шмыгнул носом.

— Делать мне нечего.

— Тогда замолкни. Ну вот, а в ту же весну, как начала старостиха огород копать, нашла в нем череп. Чистенький, вываренный, и внутри змея дохлая. Увидела, да как замычит! Через неделю ребеночка скинула. Староста и примолк. А ведь хотел уже сход собирать.

— Точно ведьма, — припечатал Семка.

— На следующее лето вернулся Арсений. Немножко опоздал: невесту его как раз схоронили. Пока гроб в церкви стоял, мертвой лицо платочком прикрывали. Родители говорили, мол, сомлела девка на покосе, упала неудачно и распласталась об лезвие. Конечно, нашлись любопытные, сунулись, а у той глаз нету.

У костра помолчали. Вейка хотел снова посмотреть за спину, но не решился.

— Псов-то парень нашел?

— Про то рассказать не успел, сгинул. А ведьма, как Арсений пропал, только пуще силу взяла, никто ей перечить не смел.

Фаддейкин отец выкатил из углей картофелину, стукнул пальцем по черной шкурке.

— Дошла? — спросил дед Назар.

— Чуток еще.

— Ну, доскажу. Полгода минуло, вряд ли больше, и приехали в поселок Псы. Жеребцы высокие, откормленные. А всадники бледные с глазами ледяными. Вроде и на людей похожи, а все одно — нежить. И не навь они, и не призраки, и не души неупокоенные, и не умертвия, а то, чему названия нету. Первым ехал статный, весь в черном, только пояс серебром проклепан, а на поясе меч, какими наши прапрапрадеды воевали. Перед таким захочешь не захочешь, а шапку снимешь. По правую его руку держался парень неприметный, одетый простенько. По лицу вроде молод, но седина в волосах. Захлопали ставни, попрятался народ, и только одна женщина стала у Псов на дороге. Мать Арсения. А как подъехали Псы, глянула она и упала в беспамятстве.

Дед замолчал, и Фаддейка недовольно завозился.

— Говорили потом: мало ли что с горя почудится. Да только никогда она больше в церкви за сына своего свечку не ставила. Ни за здравие, ни за упокой.

— Ну а ведьма?

— А что ведьма? Видели люди, как шла она меж Псов к полю, да не своей волей шла, а точно на канате ее тащили — за горло хваталась и хрипела. Что уж там было, никто не знает. Остался круг в траве вытоптан, а в кругу том тело. Видно, сильно корежило ведьму перед смертью: зубы оскалены, пальцы в кровь ободраны. Там на опушке ее и прикопали. — Дед повел рукой в сторону далекого леса.

— Нет там никакой могилы, — решил возразить Семка.

— Конечно, нет, ее сразу с землей сровняли. На следующий год травой заросла, не найдешь. Вроде и кончи-

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ПОЛНОЛУНИЕ

лось все, а зарок с тех пор в поселке: мальчиков Арсениями не называть.

Фаддейкин отец потянулся к костру и начал выкатывать клубни.

— Дед, — спросил Семка, — а ты сам-то Псов видел?

— Много будешь знать... Пацаны, кто за водой?

Фаддейка противно засмеялся, показывая пальцем:

— Он не пойдет, он сдрейфил.

— Я? — рассердился Вейка, вставая.

— На косу ступай, — махнул дед Назар. — Там почище.

Стоило отойти от костра, и накрыло темнотой, только метелки ковыля серебром отливали. Вейка посмотрел на тот берег: ивняк качался под ветром, полоскал ветки. Двигались тени, а может, и правда стоял кто безголовый.

— Ерунда. Бабкины сказки, — прошептал Вейка.

Пошел к воде, нарочно громко звякая ведром.

Густая трава поредела и сменилась песком, остывшим к ночи. Мурашки побежали по ногам.

На косе было светлее — в воде отражались лунные блики. Вейка задрал голову: нависало над головой небо, тяжелое от звезд. Вот одна сорвалась и покатила, быстро-быстро. Обмирая от страха и собственной дерзости, Вейка шевельнул губами:

— Хочу увидеть Псов!

Канула за горизонт звезда, ударилась о землю, и рябь пошла по реке, сменяя лунное отражение.

Его провели в кабинет на первом этаже. Окна выходили на внутренний двор, но все равно были зашторены и для надежности скреплены булавками. Горели лампы — очень ярко, не оставляя места теням. Пахло валерианой.

Вдоль стены стояли семеро. Матвей глянул мельком, не желая всматриваться в лица.

За спиной шуршали голоса. Резко щелкнул затвор фотоаппарата.

— Я не понял, — повернулся Матвей к сопровождающим, — что за толпа? Господин офицер, достаточно вас и пары охранников. Остальных вон. Журналистов — в первую очередь.

— Я представляю муниципалитет, — веско сказал мужчина в дорогом костюме. — В мои обязанности..

— Не входит контролировать работу л-рея.

— Вы находитесь в городе..

— Который и так далее, и так далее, — скучно закончил Матвей. — Будьте любезны, закройте дверь с той стороны. Или уйду я.

У представителя муниципалитета дернулось лицо.

— Вы не можете уйти. Ваш долг и ваша обязанность — приступить к работе.

— Что ж вы такие одинаковые. — Матвей отвернулся от чиновника. — Юджин, у тебя никакого журнальчика нет? Я почитаю, пока господин офицер выполняет инструкцию. И заодно объясняет, что является обеспечением исполнения предписаний.

Юджин посмотрел укоризненно.

Народу в комнате поубавилось.

Матвей еще подождал, засунув большие пальцы в карманы джинсов и покачиваясь с носков на пятки. Жарко. Хорошо бы вечером искупаться. Речку они проезжали — на песчаном берегу возились с лодкой пацаны, выше по течению виднелась заводь с мостками.

Офицер спросил подчеркнуто вежливо:

— Господин л-рей, что-нибудь еще?

— Бочку мороженого, — пробормотал Матвей. — Нет, спасибо, ничего.

Он взял ближайшего меченого за руку. Кожа холодная и влажная, как у лягушки. Всего-то погодник, слабенький,

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ПОЛНОЛУНИЕ

а трясется, точно завтра же ликвидация. Матвей брезгливо вытер пальцы о джинсы.

Следующий. Только считал печать, и покатился колючий шарик вдоль позвоночника. «Как же они меня достали!» — с тоской подумал Матвей. Ну, конечно, скоро завершится инициация. Слюна во рту стала кисловатой, с металлическим привкусом крови.

— Матвей, — вдруг прошептал парень. — Ты меня помнишь?

Старая уловка: спаси меня, я твой брат — сын племянницы троюродного дяди. Матвей скользнул небрежным взглядом по лицу и шагнул дальше.

— Вейка!

Удивленный, Матвей остановился. Снова повернулся к проклятому. Его сверстник, крепкий, широкоплечий. Жесткие волосы торчат ежиком. Приплюснутый нос. На переносице белый шрам со следами скобок — знакомый.

Бывший одноклассник. Приятель. Лучший вратарь в округе Фаддей Раймиров.

— Откуда ты здесь?

— Мы переехали недавно, — зачастил Фаддей. — Отца на завод позвали, он же мастер. А так все в поселке. Тетка твоя нормально, как тебя забрали, ей дом помогли отремонтировать, и вообще.

Было странно видеть его таким. Обычно Фаддей не суетился.

— Потом поговорим, — сказал Матвей и шагнул к следующему меченому.

Итак, погодник, оборотень, пара вампиров, слухач, ведьмак и зеркало. Хреново, но могло быть и хуже.

«Хочу на речку», — снова подумал Матвей. Душно. Раскалился воздух от ярких ламп.

Когда уходил, запнулся на пороге: взгляд Фаддея сверлил спину.

Сдержать обещание получилось только к ночи.

Солнце наполовину провалилось за горизонт, но в управлении по-прежнему невозможно было дышать. Лопаста вентиляторов без толку гоняли горячие потоки. Здесь же, в тупике, воздух и вовсе казался густым, хоть жуй его. Охранник то и дело вытирал платком лысину.

— Отоприте, — приказал Матвей, останавливаясь перед дверью под шестым номером.

Подумал: лучше бы он поехал на реку, в самом деле. Зря в это ввязывается.

Щелкнул в замке ключ.

— Можете идти, — сказал Матвей раньше, чем охранник потянулся к ручке.

— Но...

— Идите, я сказал! — повысил голос.

Охранник утóпал. Наверное, будет звонить с поста и жаловаться.

Матвей открыл дверь и остановился на пороге.

— Привет.

Бывший одноклассник быстрым, гибким движением сел на кровати и моргнул — свет из коридора бил ему в лицо.

— Раньше не получилось, — объяснил Матвей. — Меня задержали... интересными разговорами.

Он прикрыл за собой дверь. Стало темно, но возникло ощущение, что его *видят*. Хлопнул ладонью по выключателю.

Фаддей уже стоял у окна и действительно смотрел пристально.

В комнате был только один стул, на него Матвей и уселся, развернув спинкой вперед и поставив кулаки на деревянную планку. Сказал утвердительно:

— Ты знаешь, кто ты.

Фаддей кивнул.

— А знаешь, чего хочет ваш муниципалитет?

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ПОЛНОЛУНИЕ

— Мести.

Матвей качнул головой.

— Романтично, но неверно. Месть — это личное. А тут политика и деньги. Им нужна показательная расправа, демонстрация, что город зачистили от оборотней. Но поймали же не всех, так? Ты знаешь стаю, в одиночку инициация идет медленнее. Сдай их, и я помогу тебе.

— Поможешь?

— Сниму проклятие. Если боишься репрессий, то зря. Я не обязан ни перед кем отчитываться. Никто не узнает, что с тобой было.

Фаддей вспрыгнул на узкий подоконник и подобрал ногу. Матвей бы в такой позе навернулся, а этот ничего, сидит.

— Мой учитель ни в чем не виноват, почему я должен сдавать его?

— У вас семнадцать убитых.

— Это сделали другие, те, кого уже поймали! А он никого не трогал! В лесах и без того хорошая охота. Лучше, чем в городе.

— Оборотень себя не контролирует.

— Неправда! Нужно просто уйти подальше, и все.

— Ну да, если там не будет грибников или туристов.

— Есть леса, в которые не заходят люди. Ты не понимаешь... Там пахнет по-другому, там все другое. Другой мир, честный: твои зубы против его зубов. Если ты сильнее, победишь. Только так, а не у кого денег больше или дружки в полиции. Там свобода! Там нечего делать людям! Пусть не приходят!

— Фаддей...

— Человек — венец творения? Слабое тело, плохая реакция, отвратительный нюх. Сидит какой-нибудь жирный в кабинете и смотрит на тебя, как на вошь. А чем он лучше? Моя стая сильнее, честнее. Вы нас убиваете, а нам нельзя защищаться?

— Фаддей!

Тот осекся. Скорчился на подоконнике, подтянув и вторую ногу.

— Интересные рассуждения. — Матвей потер запястье сквозь кожаный напульсник. От привкуса крови во рту подташнивало. — Я не понял, ты хочешь или нет, чтобы я снял проклятие?

Раймиров глянул из-под ресниц.

— Я боюсь в резервацию. В клетку. Мне тут уже... трудно, а там совсем сдохну.

— И что ты предлагаешь? Конкретно.

— Ты можешь только сделать вид? Ну, что снял, и меня отпустят!

Матвей усмехнулся. Его полтора часа прессовали члены муниципалитета, добиваясь, чтобы он выдал оборотней. Его уговаривала мать одного из погибших мальчишек — иссохшая женщина в черном платке. Ему чуть не набил морду сержант, у которого задрали дочь.

Он готов был рискнуть — взять всех, хотя при мысли об этом уже сейчас тянуло блевать. Рискнуть ради Фаддея.

Какой же он дурак!

Матвей кулаками оттолкнулся от стула.

— Вейка!

Дверь распахнулась, ударившись об стену.

— Да пошел ты! — обернулся из коридора Матвей. — Знаешь что? Ты не поедешь в резервацию. Хрен тебе, а не плановая охота на зайчишек. Я сниму проклятие. Даже если потом на неделю раньше сдохну, все равно сниму. Поживи человеком, ты, блин, венец творения! Посмотрим, как у тебя это получится.

У Фаддея подергивалась верхняя губа.

— Мстишь? За что?! Ты же сам не человек!

Матвей яростно вдавил кнопку, вызывая охранника.

Глава 1

Берег, поросший выгоревшей травой. Круто обрывается — бежишь, и камешки скользят из-под ног. Ветер набухает от влаги, хлещет по лицу, точно мокрая простыня. Раскалившаяся на солнце галька обжигает подошвы. Озеро — до самого горизонта. Волны, гривастые от пены...

Ник тряхнул головой. Это мучило, чесалось, как подживающая рана.

За окном таял снег. Под тополями лежали ноздреватые остатки сугробов, и на них наступала черная, исходящая паром земля. Прыгала ворона, выковыривая еще не пробудившихся божьих коровок. За ажурной решеткой ограды виднелась сияющая витрина аптеки. Солнце резало глаза, и Ник отвернулся.

— Согласно лемме о внешнем угле треугольника, внешний угол треугольника больше любого его угла, с ним не смежного, — скрипел Циркуль, царапая доску мелом. Острые локти, обтянутые мундиром, резко протыкали воздух. — Из чего делаем вывод...

Ник бездумно водил ручкой по последней странице тетради. Штрихи превратились в буквы, буквы сложились в слово: «Белхе». Ерунда какая-то.

Солнце добралось до гипсового герба и высветило муху, заблудившуюся между колосьями. Полусонная, она еле перебирала лапами.

— Немой, слышь, Немой, — прошипел за спиной Грошик. — Дай физику скатать.

— Отвали.

— Ну, Немой, проверят же.

— Отвали, я сказал! Нефиг было крысятничать.

Оглянулся Циркуль, посмотрел на класс из-за блестящих стекол очков.

— Зареченский, у вас какие-то вопросы?

— Нет.

— Отвечать по форме!

Пришлось подняться.

— У меня нет вопросов, господин преподаватель, — отчеканил Ник, глядя Циркулю в лицо.

— Садитесь.

Ник со стуком опустил крышку парты. Влажные ладони оставили след на лакированном дереве. Душно. Он раздраженно повел шеей — мундирное сукно натирало. «К черту!» — подумал, расстегивая верхнюю пуговицу. Почему они должны париться в этой робе? «Детки» давно сменили зимнюю форму на облегченную.

На задней парте тихонько шелестели карты, Гвоздь с Карасем резались в «дупль». На первых рядах внимали математику, старательно переписывая формулы.

— Что и требовалось доказать! — воскликнул Циркуль. Ударил мелом в доску — и над его головой вцепился в стену комочек жеваной бумаги.

Муха косо полетела к окну, заваливаясь на повороте. «Снаряд», задержавшись на мгновение в изгибе колоса, сполз с герба и шлепнулся на преподавательскую плешь.

— Кто?!

У Циркуля на щеках проступили красные пятна.

— Всем встать!

Загремело, застучало. Класс поднялся недружно — «детки» возмущенно роптали, приятские посмеивались.

Циркуль пробежался вдоль ряда, махнул «деткам»:

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ПОЛНОЛУНИЕ

— Вы! Можете садиться! Остальным стоять!

— А че сразу мы? — заблажил Карась.

— Молчать!

Теперь солнце било Нику в лицо, заставляя жмуриться. Боль нарастала медленно. Казалось, в середину лба давит железный палец.

— Вы должны благословлять возможность учиться в одном из лучших заведений страны! Быть благодарными и стараться! Стараться изо всех сил хотя бы пытаться соответствовать высоким стандартам нашей гимназии. Вам дали шанс...

Когда-то Ника начинало трясти при этих словах, сейчас он слушал равнодушно.

— Зареченский! — Циркуль остановился перед ним. — Что за расхлябанность? Немедленно застегнитесь! Проявите хоть каплю уважения к учебному заведению.

«Что же он так орет? — подумал Ник. — Точно кулаком по мозгам».

Втиснул пуговицу в петлю. Воротник мундира сдавил горло.

— Ваше поведение в последнее время возмутительно. Вы распустились, Зареченский! Вы стали непозволительно дерзки! Не удивлюсь, если эта выходка...

— Моя! — перебил Ник.

Циркуль осекся. В глазах за стеклами очков — недоумение.

— Я это сделал! И что дальше? Балл по поведению снимете?

Плевать. Ну в самом деле!

— Зареченский! Немедленно извинитесь! Я жду.

Ник молча смотрел на преподавателя.

Циркуль круто развернулся. С треском открыл шкаф — закачался стоящий на нем гипсовый цилиндр. Появилась тетрадь в темно-синем переплете.

За спиной Грошик шумно втянул воздух сквозь зубы. Математик писал долго, заполняя страницу убористым почерком. Поднял голову, сверкнул на Ника очками.

— После уроков — к завучу!

Вот черт...

Ударил звонок и сразу же потонул в выплеснувшемся в коридор шуме.

— Можете идти, — разрешил Циркуль.

В рекреации гулко звучали голоса, покачивались от сквозняка шторы и флаги — гимназический и Федерации. Портреты членов сената отбрасывали на стены солнечные блики.

Ник свернул под лестницу, в старый туалет.

Окна тут были открыты, но все равно пахло дымом — вперемешку с оттаявшей землей и набухающими почками. Солнечный луч косо перерезал пол и ломался о кафельную стену. На подоконнике устроились Гвоздь с Карасем. Гвоздь курил нахально, не скрываясь. Карась прятал бычок в кулаке.

Ник расстегнул мундир и наклонился к раковине. Поймал губами струю воды, холодную, с железистым привкусом.

Боль потихоньку отпускала.

— Эй, Немой! — махнул Гвоздь.

Ник подошел и пихнул в бок Карася, чтобы пошевелился. Тоже уселся на подоконник.

За решеткой, руку протяни — достанешь, высилась кирпичная стена. По краю ее торчали медные пики в разводах патины. Из-за стены глухо доносился уличный шум.

— Че, на волю охота? — подмигнул Гвоздь.

Ник потрогал кирпич. Нагрелся на солнце.

...Теплый камень с оглаженными прибоем боками, липкие от арбузного сока пальцы...

Вот что это? Когда?

Гвоздь выкинул окурок в щель за окном.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ПОЛНОЛУНИЕ

— А ты, Немой, к весне борзеть стал. — Голос его звучал равнодушно, но выдали глаза — блеснули злым любопытством.

— Ну и? Тебе не пофиг ли, Гвоздик?

— Пока не лезешь на мою территорию — однописсарственно. Так что хамей, но не зарывайся. Понял?

— Вполне.

— Вот и умница. А теперь колись, на хрена концерт? Это ж не ты сделал.

— Почему? Сам говоришь, оборзел.

— Не в твоём стиле.

Ник приподнял брови, демонстрируя удивление.

— Охота за другого к Упырю идти? — не отставал Гвоздь.

— Почему за другого? У меня был выбор. Мог промолчать.

— Выбор. — Гвоздь сплюнул за окно. — Был бы у меня выбор, я бы Упыря...

Он выругался.

— Боюсь, с физиологической точки зрения это невозможно, — заметил Ник. — Хотя... *Ut desint vires, tamen est laudanda valuntas.*

— Чего? — удивился Карась.

— Пусть не хватает сил, но желание все же похвально.

Гвоздь хмыкнул.

— А не хочешь узнать, кто стрельнул? — предложил он. — Морду начистишь, все утешение.

— Не думаю, что это мне поможет.

Карась спрыгнул с подоконника, повел острым носиком.

— А слышали, чего говорят? — спросил он. — Когда Упырь был маленьким вонючим Упыренком, к нему Псы приходили. Печать поставили. А л-рей снял.

— Больше слушай! Кто б его потом в гимназию пустил!

— По закону все освобожденные от проклятия... — начал Ник.

Гвоздь закашлял-заперхал.

— Ну ты даешь, Немой! У кого тот закон!

— Вот именно.

Помолчали.

Ник снова потрогал стену, но больше ничего не вспоминалось.

— Ладно, я пошел.

— Удачи, — пожелал в спину Гвоздь.

Коридоры опустели, и только из малышовой рекреации доносились голоса — там начиналась продленка. В окно было видно, как отчаливают со стоянок автомобили, унося в прохладных, кондиционированных салонах «деток».

Перед дверью Ник задержался. В отполированной табличке отразилось его лицо с сердито закушенной губой. Это же смешно — бояться завуча! Но он боится.

Одернул мундир, провел ладонью по медным пуговицам.

— Разрешите, господин Церевский?

В кабинете полумрак — шторы задернуты. Но Упырю хватило одного взгляда, чтобы засечь мундир дешевого сукна и уютскую нашивку на плече.

— Фамилия! — прозвучало резко, как хлыстом щелкнул.

— Зареченский. Восьмая параллель. Класс «бэ».

Завуч выдернул из стопки тетрадей ту, в которой писал Циркуль. Зашелестели страницы.

Громко тикали часы на стене, поблескивали стрелки. У Ника зачесалась шея, натертая жестким воротником, но он не шелохнулся.

Упырь может сделать запись в личном деле, а его обязательно просматривают на комиссии. Накапать директору приюта. Заставить отсиживать в пустом классе после

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ПОЛНОЛУНИЕ

уроков каждый день, неделю или больше. Вытащить на общее собрание и отчитывать, пока стоишь навтыяжку под насмешливыми взглядами «деток».

— Ну что же, Зареченский. Рассказывать, какой ты идиот, я не буду, ты сам это понимаешь. Напоминать, как легко потерять «королевскую квоту», тоже нет необходимости, не так ли? — Упырь улыбнулся, и Нику показалось вдруг, что ерунда, которую нес Карась, совсем не ерунда. Была печать! — Можешь идти. Два часа карцера.

Откуда-то же Упырь знает, какое наказание страшнее всего.

Когда Ник спустился на первый этаж, в гимназии уже стало тихо — все разошлись, а малышей загнали в классы. Охранник скучал за столом, глядя сквозь стеклянную дверь на залитый солнцем двор.

На миг Ник остро позавидовал ему.

В подвале было прохладно и светло, под потолком, через три шага на четвертый, горели лампы. Служитель по прозвищу Карп отпер дверь и кивнул:

— Заходи.

Ник перешагнул порог.

В маленькой каморке стоял обычный стул из класса. Это просто — пробыть здесь два часа. Многие предпочтут такое наказание любому другому.

Карп дождался, когда Ник сел, и закрыл дверь.

Стало темно.

Ник вцепился в край стула. Спокойно! Вдох, выдох. Боль в закушенной губе.

Медленно запрокинул голову. Там, за невидимым потолком, класс — с огромными окнами, очень светлый. А тут, совсем рядом, за дверью, горят лампы. В конце коридора бытовка, в которой у Карпа припрятан чайник. Служитель прихлебывает из стакана и клацает вставной челюстью. Посматривает на часы. Он выпустит Ника минуту в минуту.

Но как же хочется затаиться и перестать дышать! Чтобы не услышали, не почували...

— Это прошло, — произнес Ник. — Этого сейчас нет.

Запах мокрой шерсти и гнилой картошки только чудится. Тем более здесь не может пахнуть кровью.

Текут секунды. Раз, два, три... Складываются в минуты. Их должно быть сто двадцать. А секунд — семь тысяч двести. Можно вытерпеть. Их можно просто сосчитать.

...двести тридцать четыре, двести тридцать пять...

Ник вздрогнул: показалось, шаги над головой. Но толстые перекрытия не должны пропускать звуки. Носятся в пустотах крысы?

Да, и скребут когтями по балкам. Вот сейчас звякнет железное кольцо под лапой.

— Прекрати! — крикнул сам себе.

Карп не услышит, дверь закрывается плотно, чтобы и лучика не проскользнуло.

Нужно просто считать: тысяча семьсот пятьдесят шесть, тысяча семьсот пятьдесят семь... Считать, не обращая внимание на то, как сводит судорогой мышцы, как сбивается дыхание.

...три тысячи ровно. Три тысячи один...

За стеной шумный Сент-Невей. В нескольких кварталах от гимназии участок УРКа, он работает круглосуточно. Ник частенько встречает тонированный автомобиль с серебристой эмблемой на бортах.

Невозможно представить, чтобы здесь, в элитном учебном заведении, нашелся...

...прикрыл глаза рукой от брызнувшего света. Пальцы дрожали.

— Выходи.

В городе начинались сумерки. Пахло талым снегом и женскими духами. В витрине аптеки отражался закат, растекаясь по стеклу алой пленкой. На бульваре, как обыч-

но к вечеру, стало оживленнее. Сидели рядом художники — хоть шарж нарисуют, хоть в ангела с крыльями превратят. Кричали в мегафоны зазывалы, приглашая на прогулки по Ладе. Толпились у спуска к реке торговцы с лотками сувениров.

Иногда все это — купол Морского собора на фоне облачного неба, бульжники под ногами, мокрый ветер с Лады — казалось Нику очень знакомым. Как-то он долго простоял на углу рядом с кофейней «Марле и Шарль». Смотрел на ажурный мостик, перекинутый через канал. На зеленый дом с белой лепниной — маски на фасаде корчили рожи, негодуя и радуясь, возмущаясь и гневаясь. Сеяла морось пополам с крупинками снега, продувало насквозь пальто. Ник замерз, как собака, но так ничего и не вспомнил.

Сейчас купола собора остались справа. Ник прошел мимо Торговой галереи и за серо-розовым зданием художественного училища нырнул в проходной двор. Сразу стало зябко — под защитой высоких стен еще сохранились сугробы. Ник зачерпнул на ходу снега. Смял в кулаке, дожидаясь, когда побежит талая вода, а потом холодной мокрой ладонью обхватил лоб. Чтоб Упырю...

— Привет освобожденным узникам!

Гвоздь выскочил из-за сарая и ударил в плечо. Был он уже без сумки, в мундире нараспашку.

— Как отдохнулось в карцере?

— Какой ты информированный, Гвоздь, — с досадой сказал Ник. — Газет не надо.

— Не-а, я просто умный и догадливый. Помнишь, мы тебя в кладовой заперли? У тебя такая же рожа была.

— Кретины.

Гвоздь хмыкнул и потрогал нос, разбитый в той драке.

Тропинка вывела на улицу, зажатую между плотно стоящими домами. По разбитому тротуару вдвоем идти было неудобно, но Гвоздь не отставал.

— Не, ну ты колись, Немой: какая блоха тебя укусила?

— По Упырю соскучился.

— Извращенец!

Гвоздь сплюнул в переливающуюся бензиновыми разводами лужу.

— Смотри, допрыгаешься. Знаешь уже?

Он явно ждал вопроса «О чем?», и потому Ник промолчал.

Показалась кованая решетка. За ней росли тополя, и между серыми, уставшими от зимы стволами виднелось здание приюта. В нескольких окнах горел свет.

Ник замедлил шаг.

— На неделе комиссия приезжает, — не выдержал Гвоздь.

Тьфу ты!

— Вне графика?

— А хрена им еще делать?

Блеснули часы на фасаде. Минутная стрелка подбиралась к двенадцати, напоминая, что нужно успеть отметить.

— Не вовремя, да? — ухмыльнулся Гвоздь.

«Не вовремя», — согласился про себя Ник, а вслух преувеличенно удивленно сказал:

— Гвоздик! Да ты никак боишься? Сочувствую.

Гвоздь перестал улыбаться и дернул губой, заставив натянуться шрам над подбородком.

— Слушай, я ведь предупредил: не борзей. Вежливо, по-хорошему. А мог бы сразу зарыть, без превентивных разговоров. Не ценишь ты, гляжу, хорошее отношение.

До крыльца они шли молча.

— Подожди, — окликнул Ник, когда Гвоздь уже взялся за ручку.

— Ну?

— Тоже хочу кое о чем предупредить.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ПОЛНОЛУНИЕ

— Отойдем?

— Зачем? Можно и здесь. Так вот, драться с тобой за власть я не собираюсь. Во-первых, она мне не нужна, и ты это знаешь. А во-вторых, я помню: если бы не ты, нас бы тут всех сожрали.

Гвоздь настороженно вглядывался пару мгновений, потом его лицо расслабилось, и шрам спрятался, укрывшись под губой.

— Ну, твоя память — дело известное.

— Я в блокнот запишу, — пообещал Ник.

— Договорились!

Дежурил сегодня дядя Лещ, он равнодушно отметил время напротив фамилий Зареченский и Глеймиров.

На лестнице Ник заторопился.

— Ты куда? — крикнул Гвоздь.

— В библиотеку.

— На фиг? Тебя че, Упырь бил книжкой по голове?

Ник перегнулся через перила:

— Угу, и приплясывал от радости. Ты не знаешь, что такое Белхе?

— Чего-чего?

— Вот и я не знаю.

Гвоздь покрутил пальцем у виска.

Ник успел до закрытия и выпросил толстый атлас, пообещав не выносить из зала.

Белхе — бессточное пресное озеро в восточной части Арефских земель. Длина триста четыре километра, ширина от одиннадцати до восемнадцати. Максимальная глубина двадцать шесть метров, средняя — пять и два. Климат в районе озера пустынный. Средняя температура летом около тридцати, зимой — минус четырнадцать.

«Похоже на гусеницу», — подумал Ник, глядя на карту.

Но почему оно на востоке? До границы оттуда почти две сотни километров.

Помнил автобус.

Пахло бензином и горячей резиной. Гудела земля, обожженная полуденным солнцем. Из перевернутой корзины выкатились абрикосы, валялся раскрытый чемодан. Ника пихнули в автобус силком: втиснули в толпу, и она внесла его в двери. Возле локтя мелькнула головенка в панамке. Истошно кричала женщина. Плакали ребяташки. Под раскаленным железом, в тесноте, казалось невозможным дышать.

Там, в глубине салона, были те, кого Ник отчаянно хотел увидеть, но он вцепился в поручень. Нет, он должен остаться! Должен выйти из автобуса.

— Наляг! — крикнули снаружи. — Тут еще дети!

Охнула толпа. Надавили, и оторвало от поручня. Загрещала футболка. Ник попытался протиснуться к окну. Там не было стекол — воздух! вдохнуть! — но люди старались держаться от них подальше, опасаясь вывалиться. Ник ухватился за пустую раму. Он успел увидеть площадь, перегороженную перевернутыми киосками и скамьями.

А потом громыхнуло.

От удара по спине и затылку потемнело в глазах. Тишина — такая, словно весь мир исчез, — оглушила.

Автобус горел. Ник лежал на земле, усыпанной раздавленными абрикосами и чем-то красно-черным. Видел языки пламени и как беззвучно польхнул стэнд с расписанием рейсов. А еще видел мужчину в летней пестрой рубашке и парусиновых брюках. Поверх рубашки был надет бронежилет, но мужчину он не спас — стесало затылок. Пальцы со сбитыми костяшками касались автоматного приклада.

Лица убитого Ник разглядеть не мог. Повезло, теперь не приходилось гадать: а если это был отец?

Комиссия приехала в четверг. Мальки, вернувшиеся из школы раньше, видели, как прибыл автомобиль с правительственной эмблемой. А чуть позже примчался спортив-

ный «Янгер» серебристого цвета — хищный, обтекаемый, с тонированными стеклами. Под взглядами потрясенных мальков он круто вписался в поворот и замер у центрального входа. Открылась дверца, и появился старик. Самый обыкновенный, морщинистый, седой, в неброском костюме. Встречать его вышел лично директор. Он непривычно суетился и даже порывался поддержать старика под локоть. Тот, однако, не дался.

«Янгер» обсуждали за обедом и в спальнях, в учебках и в туалетах. Восхищение мешалось с обидой: ну почему такая шикарная тачка досталась этому старому хрену? Зачем ему «Янгер»?!

Хорошее получилось развлечение — для тех, у кого не было «королевской квоты».

Ника вызвали пятым.

Стул стоял в центре комнаты, в нескольких метрах от стола, накрытого бордовой скатертью. За столом сидели двое незнакомых мужчин, похожих друг на друга, директор и женщина. Еще один, пожилой, пристроился с торца. Ник глянул мельком: седые, коротко стриженные волосы, темное от въевшегося загара лицо. Тот, с «Янгера»? Интересные, однако, встречаются чиновники социальной службы.

— Садись, — велел директор.

Ник — как обычно перед комиссией — не знал, куда деть руки. Положил их на колени.

— Николас Зареченский, шестнадцать лет. Восьмая параллель, один год пропустил по болезни, — представил директор. — В последнее время поведение Зареченского вызывает у нас тревогу, но, принимая во внимание общую картину успеваемости и несомненные способности как в точных науках, так и в гуманитарных, я рекомендую продолжить для Зареченского обучение в Невейской гимназии. Конечно, записав соответствующее предупреждение в личное дело.

Директор говорил, как перекатывал круглые камешки.

— Простите, но я ознакомилась с документами и удивлена, — вмешалась женщина. Она открыла картонную папку с фотографией Ника на обложке. — Тут указано, что у мальчика ретроградная амнезия.

«Меня здесь нет», — сказал себе Ник, глядя поверх голов.

— Совершенно верно, — подтвердил директор. — Николас не знает, кто он и кто его родители, где он жил — в Арефских землях или, может быть, приехал туда на каникулы. Но в остальном его память не пострадала. Заметно, что, до того как мальчик оказался у нас, воспитанием его занимались и образование, которое ему давали, превосходит средний школьный уровень. Николас неплохо разбирается в живописи, классической литературе, владеет фралеЙским и в некоторой степени латейским языками.

У женщины приподнялась бровь — удивленно и недоверчиво.

— А фамилия?

— Придумали солдаты. Мальчик приплыл с той стороны Харра и вышел к нашему блокпосту. Документов при нем не оказалось, в поисковых запросах он не значился.

— Все-таки это довольно странно, — сказала женщина.

— Да, у нас были сомнения. Попав к нам, мальчик несколько недель молчал, и мы уже планировали запросить разрешение на его перевод в соответствующее учреждение. Но коллектив принял Николаса, знаете, у нас очень чуткие дети. Они помогли ему адаптироваться.

«Меня тут нет!» — пришлось напомнить себе Нику, чтобы не рассмеяться.

— Позвольте вопрос, — зычно произнес старик.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ПОЛНОЛУНИЕ

Мужчины переглянулись. Женщина поправила воротничок и натянуто улыбнулась.

— Да-да, пожалуйста, — торопливо сказал директор. Старик повернулся к Нику.

— Ты уверен, что тебя зовут Николасом?

Темные глаза под серебристыми бровями рассматривали его в упор.

— Уверен. Я абсолютно уверен, что меня зовут иначе.

Директор вмешался так поспешно, что слова его перестали походить на округлые камешки:

— Мальчик называл себя Ником. Ему предложили варианты, отказался. Записали так. Может быть, личное дело?..

— Спасибо, я уже видел. У меня все.

— Э-э-э... благодарю. Господа, у вас есть вопросы?

— Какова вероятность, что память восстановится? — снова заговорила женщина.

— К сожалению, врачи ничего обещать не могут.

— Печально. Что же, если это не мешает ему находиться среди нормальных детей и мальчик справляется с программой гимназии, то я выступаю за продолжение «королевской квоты».

— Ну что вы, мадам, — не выдержал Ник. — Мне это совсем не мешает.

Сказал — и услышал, как хмыкнул старик.

— Можешь идти, Зареченский, — сердито велел директор.

Ник аккуратно прикрыл за собой дверь.

— Ну? Че спрашивали? — засуетился Грошик, хватая за мундир и заглядывая в лицо. — По урокам чего? А?

Гвоздь, который сидел на подоконнике, презрительно скривил губы.

— Как обычно, — ответил Ник.

Грошик завистливо вздохнул.

— Конечно, тебе-то что, не выгонят, ты отличник.
А я куда? Всю жизнь потом у станка корячиться?

— Отвали.

Ник выдернул рукав из его пальцев.

— Глеймиров! — позвал дядя Лещ, и Гвоздь нехотя сполз с подоконника. Отвесил Грошику по затылку, прежде чем скрыться за дверью.

К ужину комиссия опросила всех, и за стол Карась явился со свежими новостями. Втиснулся между Ником и Гвоздем, завертел башкой:

— Слыхали? В субботу нам подъем на час раньше. Пойдем сдавать кровь и на медосмотр.

— Опаньки! — удивился Гвоздь. — Че за херь?

— В солдаты забреют! — крикнул с другого конца стола Жучара. — «Королевская квота», ать-два!..

— Замолкни, — коротко приказал Гвоздь.

Ник поболтал ложкой в тарелке с супом и спросил:

— Карась, а не знаешь, что за старик там сидел?

— Который с «Янгером»? Не-а.

— У вас он что-нибудь спрашивал?

Карась мотнул головой.

— А у тебя? — заинтересовался Гвоздь.

— Так, ерунду какую-то.

Гвоздь покопался в тарелке с хлебом, выбирая горбушку.

— А дедуля-то еще тот. Хрен с ним, с «Янгером», вы наколку видели? На безымянном пальце. Двойной ромб и внутри четверка.

Ник прищурился, вспоминая. Наколку он не разглядел, но что-то такое читал.

— «Четвертый отдел», — покровительственно объяснил Гвоздь.

— А? Какой отдел? — заволновался Карась.

— Особый. В войну был. Типа УРКа.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ПОЛНОЛУНИЕ

— Да, — вспомнил Ник. — Только я сомневаюсь, что они занимались именно регистрацией и контролем.

— А то ж! — ухмыльнулся Гвоздь. — Про палачей-смертников слышал?

— Байки. Кто бы согласился?

— Мало ли идиотов. Говорят, из заключенных брали, которым уже все равно.

Ник передернул плечами.

— Ну, не знаю, я бы лучше под статью.

— Не скажи. — Гвоздь почесал шрам под губой. — Когда предлагают или сейчас тебя шлепнуть, или пару месяцев погодить...

— Вы о чем? — влез Карась.

— В войну не до резерваций было, — пояснил Ник.

— И чего?

— Того! — передразнил Гвоздь. — Собирали проклятых, и из автомата. А уж кто в этой куче окажется и каким рикошетом потом звезданет — как масть ляжет.

— Все равно ерунда, — возразил Ник. — А если переходящее проклятие? Брать с палача подписку, что обязуется кончить жизнь самоубийством?

— Да, проблема, — задумался Гвоздь.

Карась рассердился:

— Тьфу! Нашли тему.

Еще помнил свет: белесый и густой, точно туман. Такой густой, что звуки тонули в нем.

Большие окна были забраны проволочными сетками, но в половине их не осталось стекол. Свет заползал беспрепятственно и растекался между полом и потолком. Колыхался, заставляя стены покачиваться вместе с ним. В этом белесом свете все двигались плавно и бесшумно, точно рыбы. Ник тоже чувствовал себя рыбой — невесомой, не ощущающей собственного тела. Он лежал на полу и знал, что ему повезло. Тех, кому повезло меньше,

постепенно уносили, и после них оставались спортивные маты, заляпанные кровью. А тех, кому не повезло совсем, сразу утаскивали вниз — в распахнутые двери просматривалась лестница.

Возле Ника стояли двое парней лет по шестнадцати в одинаково грязных футболках и джинсах. У того, что слева, белобрысого, было перевязано плечо. Парень смотрел в окно и шевелил губами.

Высоко-высоко под потолком медленно кружились гимнастические кольца. Если чуть повернуть голову, то взгляд ловился в баскетбольную корзину и надолго запутывался в сетке.

Из дверей выплыла девушка, похожая на узкую серебристую рыбку. Кажется, она пыталась отогнать парней от окна. Ник видел, как дрожало ее смуглое лицо, обрамленное белой косынкой, и черные брови ломались уголками. Голоса он не слышал.

Мальчишка, лежащий в углу, приподнялся на локтях и беззвучно крикнул, щерясь то ли от боли, то ли от ненависти. Девушка вспыхнула, прикрыла лицо локтем и так, не глядя, попятилась. Выскользнула в коридор.

Оба парня разом обернулись. У Ника сдавило от ужаса горло: тот, что справа — ареф! Здесь! Рванулся вскочить, но не смог даже шевельнуться. Второй парень, белобрысый, придержал арефа за плечо.

А потом дрогнуло под лопатками и затылком. Ник увидел, как парни резко присели и у обоих в руках появились пистолеты. Посыпалось с потолка. Дрогнуло еще раз. В беззвучном крике разевал рот белобрысый, стреляя в окно. Ареф лежал на боку, и половины лица у него не было.

Ник зажмурился.

Тихо. Как тихо! Только мелко подрагивал пол и оседала на губы меловая пыль.

Открыл глаза. Над ним стоял чернобородый мужчина в камуфляже и с автоматом в руках.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ПОЛНОЛУНИЕ

В медицинском блоке со сна было зябко и резал глаза свет.

— Быстренько раздеваемся! По очереди проходим сдавать кровь! Потом в кабинет налево! — командовал молодой доктор с острой бородкой. Его голос гулко разносился по кафельному «предбаннику».

Ник лениво потянул через голову майку.

В открытую дверь виднелась лаборантская, где девушка в белом халате уже выставила штативы с пробирками. Девушка была хорошенькая, кудрявенькая, с розовыми губками, и Гвоздь восхищенно зацокал.

— Кто разделся — взвешиваться! Давайте не будем задерживать друг друга!

Вокруг суетились, толкались, бузили.

— Трусы снимать?

— Я стесняюсь! Там барышня!

— А откуда кровь берут?

— У тебя — из задницы!

— Ой, дяденька, я уколов боюсь!

— А я крови! Щас в обморок упаду!

— Кабан, на весы не лезь, раздавишь.

Доктор хлопнул в ладоши, привлекая внимание.

— Трусы и носки можно оставить, кровь берут из пальца. Быстренько, быстренько! Так, молодой человек, не спим! Проходим на анализы!

Ник присел к столу.

— Фамилия? — спросила медсестричка, не поднимая головы.

— Зареченский, — буркнул Ник, подставляя безмянный палец.

На лотке неприятно блестели иглы. Остро пахло спиртом.

— Минутку!

Ник оглянулся — за его спиной стоял врач. Он попросил:

— Пересядь сюда, пожалуйста.

— Зачем это?

— Ну, сразу испугался! Просто у некоторых берем кровь из вены.

— Почему именно у меня?

— Ах, какие все мнительные! По статистической выборке. Давай, мальчик, не задерживай.

Врач сыпал словами, весело скалил зубы, но почему-то ни разу не посмотрел Нику в лицо.

— А если я откажусь?

— Боже мой! Что за детский сад? Давно бы уже закончили. Садись!

Резиновый жгут ловко обхватил руку.

— Поработай кулаком.

Игла вошла в вену. Сдвинулся поршень, втягивая кровь.

— Вот и все, дольше скандалил. Ватку прижми.

На пороге Ник оглянулся — доктор убирал пробирку в отдельный штатив.

В соседнем кабинете проверяли зрение и стучали по колену молоточком. Придуривался Карась: закрыв глаза, он должен был дотронуться пальцем до кончика носа, но все время попадал в ухо.

— Зареченский? — окликнула сухощавая докторица. — У меня к тебе несколько вопросов.

Ник медленно сосчитал про себя до трех и произнес:

— Все в медицинской карте. С тех пор ничего не изменилось.

Докторица смотрела точь-в-точь как те, что решали: оставить его в психушке или выпустить. Неужели баба из комиссии натрепала по инстанциям?

— Значит, тебе не трудно будет повторить.

Ник прошел за ширму, отгородившую угол. Здесь было по-утреннему серо, и докторица щелкнула выключателем настольной лампы.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ПОЛНОЛУНИЕ

Если снимут «квоту» по медицинским показателям... Ник провел ладонью по предплечью, ощутив бугорки гусяной шкуры. Как там говорил директор? «Перевод в соответствующее учреждение».

— У тебя под коленом шрам. Ты помнишь, как получил его? В каком возрасте?

— Нет.

Ник ответил раньше, чем успел подумать.

— Попробуй представить: тебе больно, ты прихрамываешь. Что произошло перед этим? Ты упал с качелей? С велосипеда? Играл в футбол? Споткнулся на лестнице? Только не спеши, сосредоточься.

Ник провел языком по губам — почудился вкус травяного сока вперемешку с потом и пылью.

— Я не помню.

— Хорошо, давай попробуем смоделировать такую ситуацию...

За ширму подтянулся бородатый врач. Присел в тени и с интересом слушал.

Стихли голоса — для остальных медосмотр закончился. Ника все расспрашивали, потом снимали мерки с черепа. Заглядывали в рот, подсвечивая фонариком. С лупой изучили некоторые участки кожи, уделив особое внимание россыпи родинок на икре.

— Свободен, — наконец разрешила докторица.

Выходя, Ник еле сдержался, чтобы не хлопнуть дверью.

Возле медблока его караулили. На подоконнике, упершись пятками в батарею, сидел Карась. На лестнице ошивался Жучара. Он удивился:

— Выпустили? А мы думали, ты заразный.

— С тобой попрощаться разрешили, — огрызнулся Ник. — Иди сюда, я на тебя плюну.

Жучара оскалился в усмешке.

— Ходу, на завтрак опоздаем. — Карась соскочил с окна. — Потом еще в актовом, хрена им, какое-то собрание, объяву кинули. Чего с тобой делали-то?

Ник промолчал.

— Яйца пересчитывали, — сказал за спиной Жучара. — Недостачу искали.

— Сейчас у тебя оба лишними окажутся, — предупредил Ник.

Карась суетился на узкой лестнице, забегая то справа, то слева.

— А говорят, новые методики есть, эти... экспериментальные. Ну, типа, вместо Псов определяют.

— Кто говорит? Бабки на базаре?

— Че сразу! Я в журнале читал. Выявляют склонность, ну, и вообще, если уже инициация скоро.

— Журнал назывался «Юный фантаст».

Карась обиженно засопел.

— Не слушай его, Немой, — поддержал Жучара. — Брешет. Тебя просто на органы разберут, и все дела. — Он заржал, довольный собой.

В актовом зале шумели: придумали мероприятие с утра пораньше в субботу! Особенно возмущались те, у кого был пропуск в город. Жучара заметался между рядами, напоминая должникам, чтобы вернулись с деньгами. Дядя Лещ возле окна любезничал с Капой — воспитательницей малышей. С «камчатки» украдкой стреляли косточками из компота. Рядом с пустой сценой застыл Ноздря с дисциплинарным журналом под мышкой, его присутствие мешало разгуляться народным волнениям.

Ник — спасибо докладной из гимназии — пропуск все равно не полагался. Он забрался в дальний угол, жалая лишь, что не успел прихватить из спальни книгу. Рядом пристроился Карась, дожевывая булку. Гвоздь злым свистящим шепотом допытывался у окружающих насчет

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ПОЛНОЛУНИЕ

сигаретки. Повернулся и к Нику, но сразу же досадливо сморщился.

Двое старшеклассников выволокли из-за кулис стол.

— Доктора выступать будут, — сказал Карась. — А че, раз приперлись.

— Научат мыть руки перед едой, — согласился Гвоздь и пнул ножку стоящего впереди стула. Сидящий на нем Трошик испуганно втянул голову в плечи. — Карасина, в город пойдешь, сигарет купи.

Карась скис: на входе в детдом могли обыскать, и тогда прощай, прогулки по выходным, на целый месяц.

— Не ссы, прорвешься, — пихнул его Гвоздь. — Опа, гляньте!

Вынесли стулья, но не обычные, из столовой, а резные, с обитыми бархатом спинками.

— Богато живут доктора, задницы не мозолят.

На сцену вышел директор.

Удивленно притихли в зале — объявить лекцию хватило бы и дежурного воспитателя.

— Доброе утро, господа. Я рад сообщить, что вам выпала редкая возможность послушать, а также задать вопросы уважаемому человеку, многое сделавшему для нашей страны и, в частности, для нашего города. Его заслуги перед Федерацией были отмечены на самом высоком уровне, в том числе орденом «Золотой крест». Разрешите представить нашего гостя: полковник в отставке, член Городского совета, потомственный дворянин, чей род вписан в Королевскую книгу, — Георг Станислав Леборовски.

Первым захлопал Ноздря, остальные дисциплинированно подхватили.

— Это в честь какого праздника такой хрен с горы? — шепотом поинтересовался Гвоздь.

Из-за кулис показался седой военный в форме без знаков различия, но с орденами и медалями. Левую половину

воротника пересекал голубой кант, на плече виднелась нашивка с родовым гербом. Гость остановился рядом с директором и коротко кивнул.

Ник перестал хлопать. Это был тот старик, что сидел в комиссии.

— Когда началась война, юному Георгу только-только исполнилось восемнадцать, и он сразу же ушел на фронт добровольцем — рядовым солдатом. День Победы же встретил в звании капитана. После не раз участвовал в пограничных конфликтах, отстаивая интересы Федерации. Четыре года назад господин Леборовски вышел в отставку и с тех пор принимает активное участие в жизни Сент-Невея. Мы должны быть благодарны, что такой человек согласился выступить у нас. Прошу вас, господин Леборовски.

Ноздря снова заплодировал, но тут же замер под взглядом отставного полковника. Леборовски вышел на авансцену и внимательно осмотрел зал — ряд за рядом, пропустив только те, где сидели малыши. Ник выпрямился и поднял подбородок, когда ему показалось, что полковник смотрит ему в лицо.

— Я не привык говорить перед детьми. Тем более такими разными. Среди вас есть двадцать человек, которым пожалована «королевская квота». Это дети, чьи родители погибли в первые дни Арефского мятежа. Дети, которые сами попали в госпитали с тяжелыми ранениями.

Еле слышно прошептал Гвоздь:

— Спасибо, напомнил, а то мы забыли.

— Вы знаете, что такое война, — говорил полковник. — Прочие видели ее только по телевизору. Как бы ни старались ваши воспитатели, стереть эту разницу невозможно.

Леборовски прошелся по краю сцены.

— Поэтому предлагаю поступить следующим образом: вы спрашиваете, я отвечаю. Но должен предупредить:

к сожалению, я не служил в Арефе, к тому времени уже находился в отставке. Итак, господа, что вас интересует?

В зале зашушукались.

— Господин Леборовски, — высунулся Ноздря. — Вы, как член Городского совета, столько сделавший для нашего города, не могли бы рассказать о перспективах развития Сент-Невея?

Полковник усмехнулся.

— Вы уверены, что именно это волнует ваших воспитанников?

— А дедок ничего, — снова зашептал Гвоздь.

Ник промолчал: гость ему не нравился.

— Среди обывателей принято считать, что наибольший вклад в бюджет вносит туристический бизнес. Однако это всего лишь одна из статей дохода. Сент-Невей давно уже занимает второе место в Федерации по числу высокотехнологических разработок, предназначенных...

След от укола чесался, Ник потер его сквозь рубашку. Все-таки странный был медосмотр.

— Прошлой осенью на Четырнадцатой выставке научных достижений наш Институт стали и сплавов представил роботизированное оборудование...

Как ни крути, а выходит только два варианта.

Про первый не хотелось даже думать. Ника затошнило, так явственно вспомнилась больница. Если честно — а смысл врать самому себе? — он готов смотреть на психиатров глазами хорошо обученного пса и выполнять все команды. Но поможет ли, если захотят снять «квоту»?

Второй же — полная чушь! Выдумки Карася. Не существует таких методик.

Ник снова потер локоть. Помнится, к ним приходил лектор и рассказывал, что, по статистике, об этом думает восемьдесят процентов подростков. И почти семьдесят из них боятся. Но разве нормально бояться — так? Даже запах мокрой шерсти чудится.

Раздались редкие хлопки, которые тут же подхватили в зале. Ноздря, повернувшись к воспитанникам, командовал безмолвно поджатыми губами: «Активнее! Активнее!»

Еще старик этот, полковник, — что ему нужно в приюте? Люди такого уровня не сидят в комиссии.

— Большое спасибо, господин Леборовски! — Директор взмахом руки остановил аплодисменты. — Ваше выступление, несомненно, полезно нашим воспитанникам, оно поможет им лучше понимать город, приютивший их.

— Вы так думаете? — спросил гость, но директор предпочел не заметить прозвучавшей в голосе полковника иронии.

Леборовски снова оглядел зал — и Нику опять показалось, что полковник смотрит именно на него.

— Может, у господ воспитанников иное мнение? Они хотели бы услышать о чем-нибудь другом? Прошу, задавайте вопросы.

— Ха, я бы спросил! — прошептал Гвоздь.

— Ну что же вы? — уже откровенно насмеялся полковник. — Нет желающих?

— Есть! У меня два вопроса.

Ник сам не понял, как оказался на ногах. Голос громко прозвучал в замершем зале:

— Первый: почему во время войны вы пошли служить в «Четвертый отдел»? И второй: чем на самом деле «Четвертый отдел» отличался от УРКа?

«Ой, прав Гвоздь, я допрыгаюсь!» — подумал Ник. Вон у Ноздри морду перекосило.

— Я дворянин и служу своему Отечеству. Я подал прошение о переводе в «Четвертый отдел», потому что служба в нем была необходима Родине, она соответствовала моим представлениям о целесообразности, а главное — там катастрофически не хватало людей, — четко ответил полковник. — Это понятно?

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ПОЛНОЛУНИЕ

— Не совсем. Поясните, пожалуйста, — вежливо попросил Ник.

— Все желали сражаться с внешним врагом. Такая ненависть оправдана — и, более того, священна. Вот твоя винтовка, твой противник — атакуй, ты защищаешь свою землю, свой народ. Твое дело правое. А следить за своими? Подозревать товарищей? Выносить приговор человеку, который, с точки зрения гуманистов мирного времени, не виновен? Для этого нужно не сомневаться в своем решении. Помнить, что один проклятый может нанести больший вред, чем трое нейцеских снайперов.

Ник заметил, как директор нервно дернул головой, услышав столь неполиткорректное слово — «проклятый», но прервать господина Леборовски, члена Городского совета и так далее, не решился. Растерянно моргала Капа, уцепившись за рукав Леща.

— Это правда, которую люди предпочитают не замечать, ведь более комфортного для совести решения — увы! — не придумали. А раз так, думают они, пусть кто-нибудь другой станет убийцей, но не я. Пусть другого считают палачом. Стоит ли удивляться, что в «Четвертом отделе» был дефицит кадров? К сожалению, нет. Теперь понятно? Я ответил на первый вопрос?

— Вполне.

— Идем дальше. Как вы знаете, проклятия делятся на визуально идентифицируемые и неидентифицируемые. Если с первыми существует некая определенность, то по поводу вторых до сих пор ведутся споры. Что считать доказательством причастности проклятого к преступлению? И считать ли деяние его преступным или просто несчастливый стечением обстоятельств, а его самого — безвинным? Что гуманнее по отношению к такому безвинному? Держать всю оставшуюся жизнь на медицинских препаратах? По сути, превратив в растение. Тратить на это растение деньги налогоплательщиков — ради чего? Не проще

ли, если проклятие позволяет, убить носителя сразу? Откройте любой журнал, посвященный политике, юридическим вопросам, экономическим, религиозным, — вы обнаружите, что однозначных ответов, которые устроили бы всех, не найдено. Конечно, общество пришло к некому компромиссу, позволяющему, с одной стороны, защитить себя, с другой — не выглядеть монстром. Но на войне компромиссы неприемлемы.

Леборовски оглянулся на директора — тот сплетал и расплетал пальцы, положив руки на скатерть, — и продолжил:

— Моим первым делом был удачник. Проклятие визуально не идентифицируемое. Но, к счастью, — выделил полковник голосом, — его носителя можно уничтожить без вреда для окружающих.

— Ну дает дед, — хмыкнул Гвоздь.

— Молодой разведчик, хороший, сообразительный парень, смелый. Шестнадцать ходок за линию фронта, глубокие рейды — и ни одной царапины. Две медали. Мог быть представлен к «алому» ордену, а то и «серебряному». Но он всегда возвращался один. Его перестали посылать в группе — погибли все, кто жил с ним в блиндаже. Как обычно поступает Управление регистрации и контроля? Собирают доказательную базу. По каждому случаю проводится отдельная проверка. Если материала накапливается достаточно, подозреваемого тестируют. Как вы понимаете, тесты подбирают осторожно, чтобы не подвергать опасности сотрудников. Естественно, рикошет слабее и с большой погрешностью, его трудно зафиксировать. Палка о двух концах. Если же УРКу все-таки удастся извернуться, начинается другая морока: необходимо установить, знал ли носитель о своих возможностях. Это практически безнадежно. Ну и дальше, в зависимости от степени доказанности вины, или ликвидация, или резервация. Проблема, однако, в том, что

доказательств обычно мало, а в резервацию удачников лучше не посылать. Девять из десяти побегов — их заслуга. Предположим, он вырвался из-за колючей проволоки. И? Количество экстремальных ситуаций для носителя проклятия возрастает, и пропорционально возрастает количество трупов вокруг него. А ведь есть еще такая элементарная вещь, как транспортировка до места заключения. Вы представляете уровень риска для конвоя?

— Простите! — все-таки решился подать голос директор. — Эти вопросы подробно освещаются на уроках обществоведения...

— В соответствующем ключе, — перебил Леборовски. — Но мы не закончили. Итак, такова работа УРКА в мирное время. «Четвертый отдел» не мог позволить себе подобной роскоши. Квалификация проклятого осуществлялась единолично офицером. Степень доказанности вины определялась исключительно статистическими данными. В случае если проклятие позволяло уничтожить носителя, проводилась ликвидация — в течение сорока восьми часов спецмедиком Четверки.

Тишина стояла — ни один стул не скрипнул. Капа с красными пятнами на лице растерянно оглядывала подопечных мальков. Дядя Лещ морщился, собирая на лбу складки.

— Я принял дело об удачливом разведчике в производство. На следующий день произвел арест. Семье выслали похоронку: «Ваш сын и муж геройски погиб в бою за...» Материалы дела были засекречены. Архивы закрыты до сих пор.

Директор подскочил из-за стола.

— Поблагодарим господина Леборовски за выступление!

Яростно забил в ладони Ноздря. Полковник, улыбаясь, смотрел в зал. Прямо на Ника.

Глава 2

То ли выступление Леборовски напомнило, то ли запоздало аукнулся карцер, но Нику снова приснился подпол.

...Дождь прошивал редкий осиновый лесок насквозь. Кроссовки скользили по мокрым листьям, джинсы набухли и не сгибались, точно жестяные. Разодранная футболка липла к телу. На спине, там, где прореха была от ворота до подола, вода стекала по обожженным лопаткам. От холода трясся подбородок и подбирался живот. Ник провел ладонью по лицу, смазывая капли, моргнул — и сквозь потоки увидел что-то темное. Лес стал гуще? Ник заторопился, оскальзываясь и придерживаясь за деревья. Вскоре понял: это небольшая избушка. Очень старая, она вросла в землю по наличник единственного окна, и крытая щепой крыша взялась мхом. Рядом — ни огородика, ни хозяйственных построек. Охотничья заимка? Да вроде пустые кругом леса.

Ник скатился по вырытым в земле ступенькам. Он боялся увидеть замок, но в дужках его не оказалось. Потянул за ручку. Разбухшая дверь с трудом приоткрылась, и Ник скользнул внутрь. Рывком прикрыл за собой.

Запах крови — первое, что он почувствовал.

На полу лежал человек в рваной штормовке и брезентовых штанах. Ноги у него были раздроблены и перетянуты жгутами выше колен, плечо иссечено — мясо вперемешку с побуревшими лоскутами ткани. Но умер мужчина не из-за этого: кто-то выстрелил ему в висок. Кровь тянулась полосами от порога и лужей стояла вокруг головы. Светлые, выгоревшие на солнце волосы слиплись прядями.

Ник отшатнулся к стене и, не отрывая взгляда от трупа, пробрался в дальний угол. Съежился на лавке, подо-

брав ноги. Его била крупная дрожь, да еще привязалась икота. Задерживал дыхание, прикусывал язык, но никак не получалось с нею справиться. Как же холодно! Даже внутри все болит. Затопить бы печку, вон дрова в углу. Но нет спичек. Можно проверить карманы штормовки... Ну что ему сделает мертвец? Тем более это даже не арэф.

Снова трянуло от икоты. Ник медленно сполз с лавки, шагнул к телу — и тут до него дошло: мужчина умер недавно, кровь пахнет как свежая. А ноги он перетягивал не сам, одной рукой такой узел не завяжешь. Оружия рядом с телом нет.

Ник метнулся к окошку и протер мутное стекло. Показался лес, залитый дождем. Дрожали под тяжелыми струями осинки. Прислушался: стучало по крыше, капало на пол возле двери.

Бежать? Но куда?

Трепещущие осинки сбивали с толку, чудилось, там кто-то ходит. От дыхания стекло запотело, пришлось снова мазнуть ладонью.

Темная масса между деревьями двигалась.

Ник подавился криком — воздух закупорил горло, не вздохнуть.

Он сразу понял, что это не собаки и даже не волки. Звери были раза в полтора крупнее, двигались плавно, точно кошки. У того, кто бежал первым, бурая с проседью шерсть свисала клоками. Двое других, угольно-черных, казались гладкими.

За те секунды, что Ник не мог шевельнуться, оборотни пробежали треть пути до домика.

Схватился за лавку — подпереть дверь! — но опомнился: открывается наружу. На печь? Нет места!

Тихий царапающий звук заставил Ника попятиться. Оборотень поддевал когтями створку.

Звякнуло под ногой. Кольцо на крышке погреба. Рванул его, точно чеку из гранаты. Дохнуло запахом мокрой земли.

Лестница прогнила, Ник прыгнул — и сразу же ударился коленями. Осев, домик ушел в подпол, оставив пространства не больше метра. Фундамент пытались укрепить, подведя бревна и подсыпав булыжниками. Повезло, что не упал на камни. Ник опустил за собой крышку.

Темно. Дыхание — сиплое, прерывистое, точно после бега. Его могут услышать! Его могут почуять... Повел рукой и нащупал балку. Пополз за нее, стараясь двигаться медленно. Шуршала земля, и Ник обмирал от каждого звука. Над головой уже ходили: поскрипывали доски и слышался — или казался? — цокот когтей. Стать бы маленьким-маленьким! Проскользнуть подальше от лаза. В ту сторону, где лежит труп — кровь под ним пропитала доски, заглушив другие запахи.

Ник сидел, вжавшись в угол, и смотрел на невидимый в темноте потолок. Каменная кладка холодила спину. Он подтянул колени к груди и обхватил руками, сдерживая дрожь. В густом застоявшемся воздухе было трудно дышать.

Для начала оборотни занялись мертвецом: слышалось рычание, возня. Сверху сыпалась земля — Ник вздрагивал, когда попадало на него. Острее запахло кровью, но теперь примешивалась вонь от мокрой шерсти.

Потом один зверь, кажется, улегся спать: долго крутился, проминая лапами скрипевшие доски, прежде чем тяжело упасть.

Двое других бродили по комнате. У Ника свело спину, когда он услышал бряканье железного кольца под лапой. Оборотень поскреб лаз и заскулил. Чует?! Ник пошарил рядом с собой. Под руку попала лишь заостренная щепка. Сжал ее, но гнилое дерево рассыпалось в кулаке.

Говорят, они сначала рвут горло.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ПОЛНОЛУНИЕ

Оборотень попробовал когтем щель по периметру крышки, еще раз звякнул кольцом и наконец убрался. Ник даже не поверил сначала и долго сидел, напряженно прислушиваясь. Потом закаменевшие мышцы обмякли. Осталась тянущая боль, и от сперттого воздуха теснило в груди. Вдох получился медленным, прерывистым, Ник едва не закашлялся.

Дождь шел всю ночь, и проклятые пережидали его в избушке.

Ник иногда проваливался в оцепенение: оглохший и ослепший, он не ощущал себя и не понимал, бред это или на самом деле. Но затем сотрясало ознобом, и мир снова становился осязаемым до боли: холодно, печет спину, ходят над головой оборотни.

Очень хотелось пить. Чтобы заглушить жажду, Ник выскребал между булыжниками влажную землю и слизывал ее с ладони.

Раз чуть не закричал в голос: «Я тут! Вы! Тут я!» — лишь бы все побыстрее закончилось. Прикусил изнутри щеку. Солоноватую слюну проглотил, боясь сплюнуть: ну как хватит такой малости, капли свежей крови, чтобы его почувяли?

Потом стало все равно. Ни страха, ни жажды, ни холода. Даже не понял, когда оборотни ушли...

...Проснулся за пару минут до звонка. Вставал тяжело, с гудящей головой. Бесило все: спутанные шнурки на кроссовках, вывернутая наизнанку майка, радостный Карасиный голос и тупая морда Кабана. В туалете раздраженно отпихнул Грошику от раковины. Сунул в рот зубную щетку и сморщился — опять мятная паста, гадость!

В столовой шумели от предвкушения выходного. Капризничали малыши, не доросшие до самостоятельных прогулок, между ними металась взъерошенная Капа. Ник сжевал творожную запеканку и вернулся в спальню. Там

перекрикивались, искали вещи, ругались из-за похожих носков, в углу Жучара выжимал долг у Бобочки.

— Немой, займи пять грошей! — кинулся Карась.

— *Ex nihilo nihil fit.*

— Блин, Немой! — взвыл Карась.

— Нету, говорю.

Постепенно шум стихал. Наконец даже медлительный Кабан выкатил из спальни.

Моросило — серо и нудно, совсем не по-весеннему. В парке за окном сквозь хмарь проступали темные силуэты тополей, качали голыми ветками. Бежало по стеклам, и на подоконнике уже набухла лужица.

Ник в нарушение всех правил валялся с книгой на кровати. На соседней лежал Гвоздь, закинув ноги на спинку, и горестно вздыхал. Гвоздю хотелось курить, а сигареты вчера Карась не принес, побоявшись идти через вахту в дежурство Ноздри. Клялся притащить сегодня, но пропуск у него был до семнадцати ноль-ноль. Долго еще ждать.

— Че читаешь? — прицепился Гвоздь.

Ник молча показал обложку.

— А похавать ничего нет?

— Откуда?

Нарочито громко Ник перевернул страницу.

— Слышь, Немой, а ты ночью орал и брыкался. Как припадочный. Чего вспомнил-то?

— Контрольную у Циркуля.

Ник скользил взглядом по строчкам, бездумно складывая буквы в слова.

— Да ладно! Колись!

— Ну почему сразу вспомнил? — рассердился Ник.

— А чего тогда?

— Просто мысли дурацкие. Карась еще вечером пристал с этим медосмотром и своими новыми методиками.

Спрашивал, не тянет ли меня кровь пить. Вот и приснилась всякая ерунда.

— Опа! — обрадовался Гвоздь. — Немой, а ты че, боишься?

Ник посмотрел на него поверх книги.

— Представь себе, да.

Гвоздь хмыкнул. Перевернулся на бок — скрипнула панцирная сетка — и начал постукивать по тумбочке. В неровном ритме с трудом угадывался «Черный парад». Ник поморщился — он не любил эту песню. «К черту день, наше время пришло. Мы — хозяева ночи! Наши когти остры, наши зубы тверды...» Этих бы сочинителей да в тот лесок.

— Я зиму, ну, до Арефа, в Мактаютском интернате кантовался. А у них летом Псы побывали. Никого не нашли, конечно. Но пацан один потом ссаться по ночам стал. Говорят, когда к тебе подходит Пес, то всю душу выворачивает. Страшно до жути и блевать тянет. У них как раз столовку оцепили, так двое завтрак вернули.

— Очень интересно.

Ник вернулся к началу страницы, прочел заново — и снова ничего не понял.

Тумбочка отзывалась на удары пальцев, все явственнее выговаривая: «Мы — хозяева ваших душ! Ночь — время пророчеств!»

— Гвоздяра, ты достал! Посмотри у Кабана под ножкой кровати, там доска поднимается. Слева.

— Опа!

Заскрежетало, стукнуло.

— Ты глянь, есть! Вот скажи, Немой, как это — ты про захоронку знаешь, а я нет?

— Потому что мне она не нужна, — ответил Ник, не поднимая головы от книги.

Гвоздь выглянул в коридор.

— Эй! Ты, мелкий! Тебе говорю! На стреме постоишь, понял? Че? Подождет твой сортир.

Снова заскрипела кровать — Гвоздь устраивался поудобнее. Щелкнул зажигалкой.

— А Кабан-то шикует. Ты смотри, «Герцогские», с фильтром, две насечки. Ну, это хрен ему, «Северными» верну, чтоб не жирел. Откуда только гроши, вот вопрос. Может, трясет? Засыплется, дурак. Слышь, Немой?

Ник не ответил.

Мелко стучало по подоконнику. Горели лампы, сбивая с толку — то ли еще утро, то ли время к обеду. Дым медленно утекал в открытую форточку, и в спальне пахло мокрой землей, мокрым железом и табаком.

— Немой, а помнишь? — спросил Гвоздь. — Тоже дождь, как тогда. И вообще. Только ты не в книжку смотрел, а в стенку. Я еще подумал: во, блин, везуха, с психом заперли. И как тебе в морду не дал? Кулаки же чесались! Чего ни спросишь — молчит. Цаца нашлась!

Ник улыбнулся уголком губ.

— Только это ж осенью было.

— А все равно похоже.

...Да, тоже пахло мокрым железом и мокрой землей — что по ту сторону забора, что по эту. Серое сентябрьское небо за оградой больничного парка было точно таким же, как над прогулочными дорожками, и так же моросил дождь. Но стоило шагнуть за калитку, и закружилась голова.

— Садись, — поторопили его, открывая дверцу автомобиля.

— До свидания, — протянул руку доктор Валиев. — Удачи!

Ник равнодушно пожал. Он хотел только одного: уехать отсюда как можно скорее.

Машина тронулась. Мелькнула серо-розовая стена больницы — Ник отвернулся.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ПОЛНОЛУНИЕ

Стекла быстро запотели. Дома, и так зыбкие за пеленой дождя, исчезли из виду. Сквозь мутную серость проступали и гасли разноцветные пятна светофоров. Вздрыбнулась темная громада моста. В салоне приторно пахло кокосовой отдушкой, и Ника начало подташнивать.

Мужчина, сидящий рядом с шофером, повернулся.

— Повезло тебе, парень. А чего не спросишь, куда едем?

Ник пожал плечами. Его на самом деле это не интересовало. Главное — больница осталась за спиной. И тот кабинет, в котором каждый день мучили вопросами, так что чувствовал себя он препарированной лягушкой, — тоже позади. «Я смог», — подумал Ник, и у него тихонько булькнуло в горле. Как же хотелось сорваться! Швырнуть докторам их бумажки, крикнуть: «Какое вы имеете право?!» Спрашивать — так. Спрашивать — об этом. Но он выдержал. Ногти впились в ладонь — Ник вспомнил, как стоял над кроватью белобрысого Янека. Пацан лежал, раскинув руки, и под полуприкрытыми веками виднелись полоски белков. А по лицу плыла, сминаясь, точно восковая, дебильная улыбка. Подошел санитар, отеснил от кровати и начал перекидывать мальчишку, не заботясь, что одеяло упало на пол. Голое тело казалось жалким, и смотреть на это было стыдно. «Никогда!» — поклялся себе Ник. Он никогда не даст им повода вколоть ему эту «успокаивающую» дрянь.

Мелькнул поднятый шлагбаум. Машина въехала под него и остановилась.

Дождь совсем разошелся. Ник не смог разглядеть вывеску, так быстро его пихнули в двери. Испуг — снова больница! — кольнул и пропал. Да, это было казенное учреждение, но точно не лечебница. Скорее походило на казарму или общежитие. За деревянной решеткой, увитой искусственным плющом, виднелась столовая. На стенде

висели объявления и стенгазета — старая, еще весенняя, с подснежниками. «Бельевая», «Кладовщик» — значилось на табличках. Ник следом за мужчиной поднялся на второй этаж. Прошли длинным коридором с рядом белых дверей, отличающихся номерами.

— Заходи.

Узкая комната. По обе стороны кровати, разделенные тумбочками. Шерстяные пледы, подушки стоят кокетливыми уголками. В конце прохода письменный стол, рядом кресло. Телевизор на кронштейне, бормочет тихонько. В углу у двери приткнулся шкаф. Ник сначала изучил обстановку, чтобы убедиться: да, это не больница.

— Ты знакомся, а я побегу, нужно тебя зарегистрировать, — помахал папкой мужчина.

В комнате находился еще и мальчишка, тощий, в футболке с широким воротом. Он примостился на подоконнике и, стоило закрыться двери, достал из-за спины сигарету. Хлопнула форточка. Пахнуло мокрой землей и железом — окно было забрано решеткой.

— Салют! Меня час назад перевели сюда из Двенадцатого госпиталя. Не знаешь, что за хрень? — мальчишка обвел рукой комнату.

Ник качнул головой.

Пацан выбросил окурочек в форточку и помахал ладошкой, разгоняя дым.

— Денис Глеймиров, — подал он руку.

— Ник.

Новый знакомый приподнял брови.

— И все? Просто Ник?

— Да.

Ник снял ветровку и повесил на спинку кровати. Присел, расшнуровывая кроссовки.

— Ты что, засекреченный агент? — не унимался Денис. — Эй! Слышь?

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ПОЛНОЛУНИЕ

Мокрый узел поддавался с трудом. Ник наконец справился, скинул обувку и лег поверх пледа. Закинул руки за голову.

Дождь стучал по подоконнику. Сквозь мутное из-за потоков воды стекло виднелась кирпичная стена.

— Чего молчишь?

Денис перебрался на соседнюю кровать, взбил кулаком подушку и запихал себе под спину.

— Алё, прием! Ты откуда?

Ник нехотя ответил:

— Из психушки.

— Опа! Че, правда? Круто! А ты буйный или так, чудишь помаленьку?

Он еще долго доставал вопросами, Ник отмалчивался. В конце концов Денис разозлился так, что был готов лезть в драку. Но начали приводить других мальчишек — к ним и в соседние комнаты, — и Денис отвлекся.

Комната наполнилась голосами. Ник не вслушивался, лежал и смотрел в потолок. Только раз повернулся к телевизору: в лечебнице к экрану пускали в определенные часы, когда шли детские фильмы или концерты, сейчас же передавали новости. Заседал сенат, в Арёфских землях обстановка оставалась нестабильной, на севере дожди губили урожай. Показали мальчишку лет четырнадцати, у него были сердитые глаза. За спиной у мальчишки стоял пожилой мужчина в темном костюме. В одном из кадров мелькнули Псы — силуэты всадников на фоне полуденного неба. Благообразный господин рассказал, как счастлива столица Федерации приветствовать л-рея.

Ник равнодушно встал с кровати, когда их вызвали, чтобы «сделать радостное объявление». В кабинет с длинным столом набилось человек двадцать, младшим лет по десять, старшие — его ровесники. Сообщение выслушали в молчании.

Денис тогда сообразил первым. Поднял руку:

— Разрешите спросить? А в этом самом лучшем детском доме все воспитанники ходят в ту гимназию?

— Нет. Невейская гимназия — первое учебное заведение после столичных. Очень большой конкурс и соответствующая оплата. Вас примут без экзаменов, а платить будет король, статья расходов уже одобрена сенатом.

— Шикарно, — прокомментировал Денис и дернул губой — натянулся на подбородке шрам.

Потом долго дискутировали в спальне у старших. Кто-то радовался, кто-то злился. Один малыш забился в угол и тихонько ревел. Ник снова валялся на кровати, бездумно скользя взглядом по лицам, но теперь молчал и Денис. Смотрел на всех с непонятной усмешкой.

Когда мальчишки прокричались, Денис сказал презрительно:

— Лопухи.

— Да! — вскинулся темноволосый пацан. — Я же говорю! Еще благодарить побегут, идиоты. Да за родителей наших они теперь обязаны...

— Засохни, — оборвал Денис. — Нашел, что чем мерить. Торгаш.

Темноволосый побагровел.

— Ты!..

— Я, в отличие от тебя, не дурак. Вы что, не поняли, какая тут подстава? Готовьтесь, парни. Нас там будут серьезно прессовать.

В комнате удивленно затихли. Денис постучал пальцем по лбу.

— Думать-то надо. Во-первых, мы новички, а там своя стая. Во-вторых... Я че, зря спросил про гимназию? Им, значит, средненькая школа и ПТУ, а нам? Им гроши, а у нас приличное денежное содержание. Они, значит, с детства в казенных стенах, а у нас родители были. Да, были! — крикнул Денис, и малыш в углу заплакал сильнее.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ПОЛНОЛУНИЕ

— Там же хороший детдом, — неуверенно сказал кто-то.

— Значит, темную устроят без кастетов, вот и вся разница.

— С чего ты взял?!

— Из опыта. Я этих заведений перевидал — во! — Денис чиркнул себя ребром ладони по горлу. — У меня отец инженер-мостостроитель. Мать часто с ним моталась. Они на Харре работали, я к ним на каникулы приехал.

Все молчали. Слышно было, как стучит дождь и сухо кашляет Денис.

— Так что готовьтесь, парни, — повторил он, продышавшись. — Берегите ваши задницы.

Ник повернулся к нему.

— А что будешь делать ты?

— Опа, Немой заговорил! В каком смысле я?

— Ну, пока мы будем беречь свои задницы, чем ты займешься?

Денис усмехнулся, под нижней губой опять проступил неровно заживший шрам.

— Я? Найду жоака и перегрызу ему горло. Есть вознаграждения?

— Никаких.

... — Шикарно мы тогда с Жучарой схлестнулись, — бормотал Гвоздь. — А когда Череп явился порядок наводить, думал: всё — хана. Зато со скуки не дошли, скажи?

— Я предпочитаю другие развлечения.

— Хорош нудеть! — Гвоздь потянулся, чтобы отобрать книгу, но Ник выставил локоть.

— Э, у вас тут чего, драчка? — заглянул дежурный. — Немой, тебя к директору!

Ник удивленно придержал страницу.

— Обалдели? Воскресенье на дворе. Какой, на фиг, директор?

— Двигай! Срочно!

— Чудны дела, — протянул Гвоздь, с любопытством разглядывая Ника. — А может, ты взаправду, как Карась говорит, того? По новой методике.

Ник покрутил пальцем у виска и сунул книгу под подушку.

На третьем этаже было тихо, только в кураторской бормотал телевизор. Ник прошел до конца коридора. Здесь, в тупике, царил полумрак: бархатные портьеры загораживали и без того тусклый день.

А если все-таки сняли «квоту» по медицинским показателям?! Ладони вспотели. Вытер о джинсы, прежде чем взяться за ручку.

В приемной тихонько гудела кофеварка. Секретарша внимала из шкафа тонкие фарфоровые чашечки. Она сердито посмотрела на Ника из-под золотистой челки и мотнула головой:

— Проходи! Чего натворил-то? Выдернули из-за тебя в выходной!

Ладони, как назло, опять стали влажными. Нет, обратно в психушку он не поедет! Лучше под мостом ночевать.

— Разрешите, господин директ... — Ник сбился и закончил невнятно.

Сбоку, в гостевом кресле, сидел Георг Станислав Леборовски — на этот раз снова в штатском, но на лацкане у него поблескивал значок: герб Городского совета с голубой полоской в уголке.

— Конечно, мы тебя ждем. — Директор лучился от счастья, словно ждал Ника последние лет десять, и тот наконец явился. — Присаживайся! Нинель, кофе готов? И принеси мальчику конфет. Ну, что ты встал? Входи же!

Леборовски молча кивнул.

Ник опустил в кожаное кресло. Он был в этом кабинете второй раз в жизни; первый — когда только попал в детдом, и сесть тогда ему не предложили.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ПОЛНОЛУНИЕ

Секретарша всплыла в кабинет с подносом. Бровь у нее была удивленно изогнута.

— Конфет? Но я не держу тут конфет!

Перед Ником оказалась крошечная чашечка на блюдце. Пахнуло странно: непривычно, но знакомо.

— Извините, я не хотел бы задерживаться, — сказал Леборовски.

— Да-да, конечно! Нинель, ты свободна.

Директор дождался, когда за секретаршей закроется дверь.

— Вы сами скажете мальчику?

— С вашего разрешения.

Леборовски пододвинул к себе папки, лежавшие на директорском столе. Снял первую — толстую, растрепанную.

— Это — копия поискового дела, заведенного три года назад. — Он положил ее перед Ником.

Следующая оказалась тоненькой, в новой хрустящей обложке.

— Материалы по экспертизе, тоже можешь ознакомиться.

— Сейчас? — не понял Ник. К папкам он не притронулся.

— Я бы предпочел, чтобы ты сделал это на досуге, там много бумаг. Надеюсь, пока будет достаточно официального заключения.

Леборовски передал Нику листок с веером печатей и длинной колонкой подписей.

Плотно набранные строчки сливались перед глазами: «...проведено исследование... согласно документально подтвержденным... см. таблицу № 2... анализ показал...»

— Ты ошибся в одной букве, — сказал Леборовски. — Тебя зовут не Ник, а Мик, Микаэль.

«... считать установленным, что Николас Зареченский и Микаэль Родислав Яров одно и то же лицо».

Ник сглотнул — в кабинете резко, до желчи, пахло кофе.

«...Микаэль Родислав Яров одно и то же...»

Он положил лист и открыл поисковое дело. К первой странице скрепкой был прихвачен фотоснимок, крупнозернистый в центре и размытый по краям. Высокий темноволосый мужчина обнимал коротко стриженную женщину — оба в джинсах и свитерах, улыбаются. Женщина одну руку положила на плечо пятилетнему малышу, другой держала за локоть мальчишку постарше.

В этом, втором, Ник узнал себя — или, скорее, угадал. Слишком давняя фотография, года за три до Арефского мятежа.

— Что с ними? — ровно произнес Ник.

Нет, это другой мужчина, не тот, что лежал убитым на площади перед автовокзалом.

— Марина Ярова и ее сын Денек погибли при попытке выехать из Фергуслана, — голос Леборовски звучал сухо, отставной полковник констатировал факт. — Их тела удалось опознать. Родислав Яров считается пропавшим без вести, но, по словам очевидцев, он присоединился к отряду Павловича. Отряд был полностью уничтожен на перевале Карыч, через который шла прямая дорога на Фергуслан.

Марина, Родислав, Денек, Микаэль — чужие имена. «Микаэль Яров», — произнес про себя Ник, каждую букву на языке опробовал, но ничего не почувствовал.

— Мы жили в Арефских землях?

— Нет. Ваша семья отдыхала на Белхе, у друзей. А вообще твой отец носил погоны, и вы часто переезжали. Насколько мне известно, он хотел подать рапорт и перевестись в Сент-Невей, но не успел.

Ник понимал, что должен спрашивать — много, жадно, — но в голове было пусто. Закрыв папку, пряча фотографию под картонную обложку.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ПОЛНОЛУНИЕ

— Я могу взять документы?

— Безусловно.

Директор, о котором Ник успел забыть, шевельнулся в кресле.

— А вы что же, не сообщите мальчику?

— Я сам, — жестом остановил его Леборовски. — Микаэль...

Полковник замолчал. Наверное, давал время осознать: да, обратился именно так.

«Микаэль Яров», — мысленно повторил Ник. И снова — ничего.

Пауза затягивалась.

Нику хотелось потрогать папку, но он не шевельнулся.

— Микаэль, — снова заговорил полковник. — Девичья фамилия твоей матери — Леборовски. Марина Георг Леборовски. Ты мой внук.

Ник отодвинул чашку с кофе — воняло нестерпимо, пережженными зернами. Как можно пить такую гадость?

— Ты понимаешь, что тебе говорят? — мягко, словно у дурачка, поинтересовался директор.

Ник посмотрел с недоумением: странный вопрос. Или он сделал что-то не так? Но не бросаться же на шею этому полковнику!

— Да, конечно, понимаю.

От кофейного запаха першило в горле и говорить было трудно.

— Это все? Я могу идти?

— Ты разве?.. — растерялся директор.

Полковник перебил:

— Микаэль, я приехал за тобой. Собирайся. Я подожду столько, сколько нужно.

Ник встал, ухватившись за край стола. Дерево мягко подалось под рукой, пришлось стиснуть пальцы, удерживая равновесие.

— Да. Я сейчас.

В приемной изнывала от любопытства секретарша. Увидев Ника, она всполошенно вскочила.

— Что случилось-то? На тебе лица нет!

Ник обошел женщину и рванул дверь.

В коридоре тоже пахло кофе.

Ковер на лестнице заглушил шаги. Вниз, быстрее. Второй этаж, проскочить мимо дежурного. По стертým гранитным ступеням в гулкий холл и сразу в сторону, за колонны.

В дальнем туалете никого — малыши сюда не допускались, а старшие почти все были в городе.

Ник дернул оконный шпингалет и зашипел, прищемив кожу. Створка открылась с треском. Оторвались и повисли тряпичные ленты с клочками потемневшей ваты. Ник перегнулся через подоконник в мокрый парк. Надсадный кашель скреб горло, рвался сухими хрипами, точно хотел взрезать изнутри. Казалось, еще немного, и Ник выхаркнет легкие с кровью.

Кашель прошел. Ник повис на подоконнике, обессиленный. На лицо оседала морось. Облизнул губы, и вкус дождя приглушил кофейный запах.

Значит, Микаэль Родислав Яров.

За влажной пеленой двигались темные силуэты деревьев. Прогудел теплоход — ветер принес звуки с Лады. Ник протянул руку, точно проверяя мир на прочность. Серая морось подалась, пропуская. Пальцы коснулись тополиной коры. Она крошилась, деревья в парке были старыми. Ник с силой провел ладонью вниз, но не почувствовал боли, только дышать стало почему-то легче.

Отряхнул руки. Нужно идти.

Возле спальни его перехватил дядя Лещ. Посмотрел с тревогой.

— Ты как?

— Нормально.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ПОЛНОЛУНИЕ

Воспитатель протянул новенький рюкзак с блестящими пряжками.

— Собери личные вещи, а из учебки мы потом перешлем, что у нас по учету не проходит.

Ник кивнул.

В спальне пахло куревом. Умиротворенный Гвоздь стащил из-под подушки книгу и читал с середины.

— Хренотень какая-то, — сказал он, увидев Ника. Прищурился на рюкзак. — Началась раздача новогодних подарков? Рановато!

Ник открыл тумбочку. Что ему собирать? Казенные трусы? Вот стопка книжек — его, личные. Кружка с рисунком: кораблик на фоне Морского собора. Ремень поприличнее тех, что выдавали в приюте. Коробка кускового сахара. И все.

«Рафинад» Ник перекинул на соседнюю кровать.

— Денис, я уезжаю.

— Опа. И куда же?

— Родственники нашлись.

Гвоздь окинул его взглядом и сказал уверенно:

— Гонись! Колись, эти суки «квоту» сняли?

Ник мотнул головой, потом спохватился:

— Не знаю. Я ж теперь вроде... ну...

— Коня е... — зло оборвал Гвоздь. Кажется, он поверил. Сел на кровати, пнул рюкзак. — А ниче, видать, обеспеченные родственнички. Ну и как же тебя зовут, Немой?

Лицо у Гвоздя перекопилось, ясно виднелся под нижней губой шрам.

— Микаэль Яров.

Ник поднял рюкзак и пошел к двери.

Гвоздь обматерил его в спину.

На подъездной дорожке стоял «Янгер». Рядом застыл директор под зонтиком.

— Рюкзак можешь положить на заднее сиденье, — сказал новоявленный дед, он уже сидел на водительском месте.

Ник открыл дверцу, чувствуя, как следят за ним любопытные малыши — они облепили окна на первом этаже, и дядя Лещ с Капой даже не пытались их отогнать.

— Я надеюсь, что пребывание у нас ты будешь вспоминать с теплотой и благодарностью. — Директор схватил Ника за руку и потряс, а сам при этом смотрел на полковника.

— Непременно.

— Тебя и твоего деда мы рады видеть у нас в гостях...

— Не забудь пристегнуться, — скомандовал Леборовски, поворачивая ключ в замке зажигания.

— До свидания, господин директор.

Ник опустил на сиденье. Ремень сразу же попал под руку, щелкнул замком.

Машина резко стартовала, сторож в брезентовом плаще едва успел развести створки ворот. В плотном потоке, казалось, не было места даже велосипедисту, но «Янгер» легко втерся на крайнюю правую полосу и тут же перестроился влево, наращивая скорость.

— Ты извини, но у меня мало опыта в общении с детьми, — сказал Леборовски. — Воспитанием занималась Кристи. Я все больше мотался по гарнизонам.

«Янгер» перемахнул через Ладу и двинулся в исторический центр.

— Кристина, твоя бабушка, умерла семь лет назад, — уточнил Леборовски.

Туристический автобус перекрыл улицу, пытаясь припарковаться у Старого музея. «Янгер» свернул, уходя на Большую Корабельную.

— Как мне вас называть?

Леборовски покосился на него.

— Как тебе удобно. Можешь дедом, можешь Георгом.

Ник думал, они остановятся возле одного из Корабельных особняков, но «Янгер» снова повернул.

Машина вырвалась из города на Дачное шоссе. Тонкие высокие сосны по обе стороны дороги слились в сплошную полосу. Мелькнул полицейский пост, и сразу за ним показался съезд, перекрытый шлагбаумом. «Янгер» нырнул под него прежде, чем тот успел до конца подняться.

Узкая улочка была пустынна. За глухими заборами виднелись деревья, кое-где просвечивали мокрые от дождя крыши. Ник заметил пару камер наблюдения.

«Янгер» вкатился в распахнутые ворота — железные створки тут же начали смыкаться — и медленно поехал к двухэтажному особняку. Слышно было, как шуршит под колесами гравий. Сквозь тонированные стекла Ник видел черные массивы кустов, за ними проступали силуэты деревьев. Проплыла белоснежная крыша беседки — колонны, что поддерживали ее, растворились в дожде.

— Это загородный, малый дворец Леборовски. Построен сто восемьдесят лет назад. Правое крыло заброшено, наш род вырождается. Кроме твоей матери у нас с Кристиной было еще двое сыновей. Но один родился слабым, выйти не смогли — послевоенные годы! Другой уже студентом погиб в экспедиции, которую организовал УРК. Искали тайные поселения проклятых.

Георг говорил достаточно равнодушно, чтобы Ник спросил:

— Оборотни задрали?

— Почему непременно оборотни? Во-первых, есть и другие проклятия. А во-вторых, просто грузовик сорвался на горной дороге. Бывает и так.

«Янгер» остановился.

— Выходи. Я загоню машину в гараж.

Ник вытащил рюкзак и, запрокинув голову, стал рассматривать дом. По фронтону шла лепнина: шпаги и старинные пистолеты, перевитые лентами. В центре

выделялся герб, детали отсюда было не разобрать. Поблескивал на крыше флюгер в виде косматого льва, сбоку от него торчала антенна. Крыло, что уходило вправо, казалось слепым из-за деревянных щитов на окнах. Мраморное крыльцо в четыре ступени огораживали кованые перила, по углам приткнулись вазоны с влажной черной землей.

— Ну, заходи, — появился из-за спины Георг. — Это и твой дом.

Сразу за порогом оказался полукруглый холл с белоснежными лестницами. В простенке между ними висел портрет мужчины в камзоле, с двумя настороженными борзыми у ног.

— Улс Боровски, основатель рода. Его заслуги были признаны короной, и Улс получил право на приставку «Ле». С него Леборовски и вписаны в Королевскую книгу. Это копия, оригинал кисти Петрольчи висит в Старом музее.

Георг толкнул дверь, ведущую налево. Открылась анфилада — сумрачная, с паркетным полом и панелями из темного дерева на стенах.

— Малая гостиная, потом музыкальная, библиотека, столовая. Дальше крыло перестроено под хозяйственные нужды.

Ник на мгновение опустил веки. В затылке накапливалась тяжелая боль, казалось, там переливается свинец.

Послышались шаги — гулкий стук каблуков, — и появилась молодая женщина в строгом темно-синем платье.

— Добрый день, господа! Микаэль, рада приветствовать вас.

— Познакомься, это Александрина, она занимается домом.

Ник наклонил голову.

— Со всеми бытовыми вопросами можешь обращаться к ней.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ПОЛНОЛУНИЕ

Женщина улыбнулась с точно вымеренной долей искренности.

— Господин Георг, когда подавать обед?

— К трем, пожалуйста. Пойдем, Микаэль, я покажу второй этаж. Он реконструирован и более приспособлен для жизни.

Пока они поднимались, Георг рассказывал:

— Из прислуги еще Леон, он автомеханик, электрик, плотник, садовник. Живет здесь же, во флигеле. Потом познакомишься, у него сегодня выходной. Ну, и по случаю генеральной уборки, конечно, приходят люди.

На втором этаже было светлее — арочные окна от пола до потолка выходили в сад. Между ними тоже висел портрет, но уже женский. Дама в бордовом платье стояла у камина, борзые у ее ног спали.

— Жена Улса, Эльга. Тоже копия, — прокомментировал Георг. — Второй этаж обычно занимали хозяйские покои, я не стал отступать от традиции. По эту сторону мой кабинет и личная библиотека, дальше небольшая гостиная, гардеробная, спальня, ванная. Тебе сюда. — Хозяин прошел до конца коридора и толкнул дверь. — Здесь когда-то жил Максим.

— Который погиб в экспедиции?

— Да. Тебя это смущает?

Ник покачал головой.

— Кабинет с выделенной зоной отдыха, из нее выход в спальню. Там отдельная туалетная комната, правда, маленькая, с душевой кабиной. Но тебе, я думаю, будет достаточно.

— Вполне.

— Тогда устраивайся. Помойся, переоденься и спускайся к обеду. Не буду мешать.

Георг вышел, притворив за собой дверь.

Ник опустил в кресло и уронил рюкзак под ноги. «Помойся!» Можно подумать, его из тюрьмы забрали.

Боль в затылке все нарастала, пришлось обхватить голову и сжать виски ладонями. У него не могло быть дедуля попроще? Без фамильных особняков.

Переждав приступ, Ник поднялся и медленно оглядел комнату. Мебель добротная, темного дерева, старая, но не старинная. На застекленных полках книги, микроскоп и картонные папки. Громко тикают напольные часы, мотается блестящий маятник. На стенах гравюры, все одной серии: подвиги Гарлея. Вот он голыми руками убивает оборотня, вот зеркальным щитом отражает черный взгляд, а вот пленит ведьму.

Часы захрипели — Ник вздрогнул от неожиданности — и гулко отбили дважды. Дедуля просил спуститься к трем. Явиться минута в минуту? Нарочно опоздать? Не хотелось ни того ни другого.

Ник подошел к окну и отвел тяжелую портьеру. Отсюда виднелся сад, полускрытый моросью. Здоровенный дуб касался ветками стекол, почки на нем набухли и были готовы лопнуть.

Отвернувшись от окна, Ник прошелся по комнате. Щелкнул выключателем — вспыхнула трехрожковая люстра. Открыл створку книжного шкафа. Сверху стояли иноязычные и энциклопедические словари, дальше — справочники по алгебре, геометрии, истории, географии. Потом шел ряд новеньких учебников. Ник вытащил «Литературу». Восьмая параллель, все правильно.

Учебник Ник положил на стол и перешел в спальню. В небольшой комнате поместились узкая кровать и шкаф, занявший всю ширину стены. Дверца легкого поехала в сторону, стоило коснуться ручки. Ого! Богатый гардероб, чего только нет, начиная от футболок и заканчивая костюмами. Ник прикинул на глаз: размер его. Так, а это что? Он вытащил мундир, серо-зеленый, с гимназической нашивкой. Отличного сукна, облегченный, как у «деток». Примерил. Мундир сел точно по плечам,

и длина рукавов подходящая, а ведь приютская одежда, скроенная по усредненному стандарту, всегда оказывалась куцей.

Бегом, не снимая мундира, вернулся к книжному шкафу. Ну конечно! Задачник Магниценского и второй том «Геометрии» Лакаля, сборник олимпиадных вопросов по физике, пухлая хрестоматия с текстами на фралейском — все по углубленной программе гимназии.

Ник вернул книги на полки, аккуратно выровнял корешки. Интересно. Медкомиссия была в пятницу. Получается, Леборовски за три неполных дня, причем полтора из них пришлось на выходные, успел получить заключенные комиссии, выступить в детдоме, договориться с директором, да еще между делом полностью экипировать внука.

«Ладно, разберемся», — подумал Ник.

Туалетная комната действительно оказалась маленькой. Ник выдавил на ладонь шампунь и понюхал. Пахло вкусно, но незнакомо.

Долго стоял под тугими струями. Вода обжигала кожу и заворачивалась воронкой у ног.

«Я — Микаэль Яров, — повторял Ник, беззвучно шевеля губами. — Меня зовут Мик».

Он поднял руку к глазам. Повернул, согнул пальцы. На указательном — шрам. Сжал кулак, напряг и расслабил мышцы. Тело слушалось, как обычно. «Микаэль Родислав Яров».

Вдруг пробрало ознобом. Ник выскочил из душевой кабины, едва не упав на скользком кафеле. Торопливо протер запотевшее зеркало. Лицо отразилось напряженное и испуганное, но ничуть не изменившееся.

«Микаэль Яров?»

Приподняв со лба волосы, Ник посмотрел на рубец. Это его, у Мика такого не было. И вот этой отметины возле уха тоже. Мик не знал, как пахнет оборотень по-

сле дождя, насколько сильна отдача у армейского «ТР-26» и как долго болит обожженная спина.

«А ты — все знаешь? Все помнишь?»

Ник закрутил кран и вышел.

Приютская одежда лежала на стуле. Надевать ее снова было глупо, по какой бы причине он это ни сделал — из упрямства или потому, что чувствовал себя чужим в этом доме.

Ник задумался, стоя перед шкафом. Прикосновение к серому пуловеру показалось знакомым: значит, он носил такое? Мягкая тонкая шерсть, явно дорогая.

Он выбрал джинсы и простую черную футболку.

Часы пробили трижды, когда Ник вышел из комнаты.

На первом этаже посветлело — за окнами прояснилось, и сад проступил из мороси. Задержался на минуту, вглядываясь в тропинки. Он бывал там? Лазил по деревьям? Играл в прятки с братом? Катался на велосипеде?

«Микаэль Яров».

Снова начала копиться в затылке боль.

Ник представлял столовую огромной, как в исторических фильмах. Стол на двадцать персон, хрустальные люстры, салфетки с фамильными вензелями, фарфор и коллекция вилок. Однако через гостиные и библиотеку он попал в небольшую комнату с буфетом. Люстры не было, только небольшие светильники в простенках. Потолок расписан: облака, ангелочки на цветущих деревьях. В камине за кованым экраном горел огонь, отражаясь в медном ведерке для угля.

Георг сидел во главе стола. Для Ника накрыли слева от него.

— Извините, я немного опоздал.

— Ничего, ты же не в казарме. Хотя, конечно, мне было бы проще, если бы ты придерживался устоявшимся традиций.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ПОЛНОЛУНИЕ

Александрина открыла супницу — пахло мясным бульоном.

Ник присел к столу, окинул взглядом приборы. Ну, могло быть и хуже. Он вытянул салфетку из кольца. Накрахмаленная ткань хрустнула в пальцах — знакомо, привычно.

— Я часто бывал в этом доме?

— Не очень.

Георг дождался, когда Александрина выйдет.

— Я уже говорил, вы много переезжали. Родислав был майором УРКа, генеральным инспектором. Кстати, какое-то время мы работали вместе. Потом Родислав подал рапорт и перевелся. Вы не приезжали сюда четыре года, если считать до Арефского мятежа.

Дед помолчал, потом добавил:

— Я понимаю, Микаэль, тебе сейчас трудно осознать все. Много бессистемной информации.

— Ничего, я постараюсь, — вежливо ответил Ник.

На самом деле у него кружилась голова. В комнате было душно, от камина тянуло жаром и почему-то пахло пережженными кофейными зернами.

— Ешь, Александрина вкусно готовит.

Ник послушно опустил ложку в тарелку. В прозрачном бульоне плавали морковные звездочки и цветные ромбики из перца.

— Когда вы узнали, что ваш внук — это я? Там, наверху, все приготовлено.

Георг улыбнулся.

— Дней десять назад. Но окончательно уверился в этом, увидев тебя на комиссии. Медицинское заключение оставалось просто формальностью.

Железный дедуля.

— Я забыл на столе у директора документы. Поисковое дело.

— Они у меня. Заберешь потом.

Ник отодвинул тарелку, доестъ он не смог. Хотелось поставить локти на стол и подпереть голову, но он сидел прямо, дожидаясь, пока Александрина переменит блюда.

Золотистая жареная картошка лежала горкой, отбивная была посыпана незнакомыми травками.

Ник рассеянно взял вилку и заметил, как следит за его руками Георг.

— Что-то не так?

— Напротив. У тебя сохранились привычки. Марина всегда заботилась о вашем воспитании.

Его и Денека. Ник попытался представить, каким он был, его брат, но не смог.

— Я потратил три года на твои поиски, — голос деда звучал напряженно и сухо. — Мы с Мариной созванивались, и я знал, что вы собираетесь провести отпуск на Белхе. Потому в запросах указывал Фергуслан. Мне и в голову не приходило, что ты сможешь уйти в горы. А когда спустя полтора года добился полномасштабного розыска, было уже поздно: тебя записали Зареченским, и нигде не значилось, что фамилия придумана. Ты знаешь, есть интернат, где содержатся безнадежно искалеченные мальчишки и девочки. Те, кто уже не сможет назвать своего имени. Я ходил между койками и боялся, что ты среди них, но я не узнаю тебя. Прошло столько лет с тех пор, как мы виделись.

— Почему вы были уверены, что я жив?

— Ты не мог не выжить. Потом ты это поймешь.

Ник ковырнул вилкой отбивную.

— Если не хочешь есть, я скажу, чтобы подавали кофе.

Замутило, и снова, как в директорском кабинете, подкатила к горлу желчь.

— Не надо. Вы извините, но я почему-то засыпаю, — сказал Ник и добавил, опережая деда: — Нервы, наверное. Можно, я лягу?

— Да, конечно, иди.

В спальне Ник сбросил кроссовки и бухнулся на кровать, не раздеваясь и не снимая покрывала. Закрыл глаза — качнулась под головой подушка.

«Микаэль Родислав Яров».

Глава 3

... Очень хотелось есть, хоть кору грызи. Потом в желудке поселилась тупая боль, заглушившая голод.

Стоило задеть деревце, и с листьев щедро сыпались капли. Красивые, светящиеся на солнце, но Ник вздрагивал от холода. Часто оборачивался: казалось, крадутся за ним. Пугало все: неожиданный треск ветки, порыв ветра, птичий крик.

Осиновый лесок постепенно становился гуще. Показались холмы, темные от елей. Вскоре Ник вышел на проселочную дорогу. В колеях еще подсыхала вода, а трава по обочинам уже успела выпрямиться под солнцем. Пушистые метелки щекотали колено сквозь дыру на джинсах. Слева дорогу закрывала тень от холмов, и Ник держался правой стороны. Он шел на северо-восток, в сторону границы, надеясь лишь, что не обманулся с направлением.

За поворотом увидел разбитую машину, двухместный «ТАН» с незастекленными дверцами и брезентовой крышей. С водительского места свешивался убитый арешник. Кровь по опущенной руке натекла на землю, и над бурым пятном жужжали мухи. Ник подошел ближе — в машине могли оказаться еда и аптечка. Дверца с пассажирской стороны не открывалась, так ее покорежило. Пришлось забираться через оконце. Дерматин на сиденье порвало пулями, и сыпалась труха, набиваясь в дыру на джинсах. Ник пошарил в бардачке, вытащил зажигалку и пачку сигарет. Потом решил обыскать труп. Было не страшно,

а просто неудобно и грязно, загустевшая кровь пачкала руки. Под ногами у арефа нашел армейский «ТР-26».

Ник выбрался из машины, едва не сорвавшись с высокой подножки. Сел на обочину, вытер руки о траву и принялся изучать добычу. Пистолет, наверное, давно таскали без кобуры — виднелись мелкие царапины на темном металле. Ник нажал на защелку и вынул магазин. Осталось четыре патрона. Он снова зарядил «тэрэшку» и взял, примериваясь, как быстро можно снять с предохранителя. Получилось плохо: руку повело, «ТР-26» оказался непривычно тяжелым и длинным по сравнению с... чем? Ник судорожно хватанул губами воздух, ставший вдруг вязким и горячим. А откуда он знает, как обращаться с оружием?! Понятно, что стрелял раньше, но когда? Где это было?!

Уронил руку с пистолетом на колени. Он не помнил ничего. Мелькали обрывки, похожие на сны: полыхает автобус на городской площади; в белесом свете плавают люди-рыбы; мертвая кошка лежит на глиняном дувале; рычащий грузовик таранит красно-белый шлагбаум; женщина в темном платке подает кувшин с молоком.

Сказал вслух:

— Я в Арефе. — Это он знал точно. — Меня зовут...

От оглушительной тишины в голове заложило уши. Пришлось сглотнуть, как в самолете... Самолете?! Какое? Куда он летел?

Лихорадочно зашарил по карманам. Мешал пистолет, но Ник не сообразил отложить его. Хоть что-нибудь найти! Что угодно: записку с номером телефона, ключ от дома, билет на автобус, монетки, фантик от жвачки. Опомился, лишь больно стукнув «тэрэшкой» по бедру.

Ничего нет. Только драные джинсы, кроссовки и футболка, превратившаяся в лохмотья.

С той стороны, откуда он пришел, послышался шум. Ник повернул голову.